

Сергей Тарадин

**ЗАКОН
СОХРАНЕНИЯ**

Сергей Тарадин

**Закон сохранения. Книга 1
трилогии «Связь времен»**

«Издательские решения»

Тарадин С.

Закон сохранения. Книга 1 трилогии «Связь времен» /
С. Тарадин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564366-7

Прочсть такую книгу — как прожить еще одну жизнь. Что-то узнать, чему-то научиться, где-то посмеяться, а где-то и не сдержат слез. Кто постарше — вспомнит былое, кто помоложе — задумается о грядущем. В книге много интересных малоизвестных фактов, но читается она легко и нескучно. Эти истории случились в реальной жизни, даже самые невероятные. И, конечно, любовь пронизывает все повествование... Книга станет хорошим спутником на отдыхе. Может читаться как отдельная повесть, но продолжение будет.

ISBN 978-5-00-564366-7

© Тарадин С.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	6
ГЛАВА 1. ЛЕС	7
ГЛАВА 2. ВАСЬКА	14
ГЛАВА 3. МАМА	23
ГЛАВА 4. СТИХИ	30
ГЛАВА 5. НИНА	39
ГЛАВА 6. ОТ СЕССИИ ДО СЕССИИ ЖИВУТ СТУДЕНТЫ ВЕСЕЛО	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Закон сохранения **Книга 1 трилогии «Связь времен»**

Сергей Тарадин

Иллюстратор Геннадий Шелестов

© Сергей Тарадин, 2022

© Геннадий Шелестов, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-4366-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0056-4367-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Герой этой книги, Егор – одаренный парень, который не ищет приключений. Он просто пытается найти ответы на вопросы: «На что сто́ит потратить жизнь?» «Можно ли примирить любовь и разум?» «Как выбрать жену?» «Что в мире от Бога, а что от лукавого?»

Но приключения находят его сами. На жизнь Егора выпал переломный момент в истории, как, впрочем, и на жизнь любого поколения в нашей стране.

Давайте вместе посмотрим: какими видятся глобальные вехи времени глазами простых людей, как переплетаются между собой ход истории и судьба человека, далекого от политики, не облеченного властью, но оказавшегося современником знаковых исторических событий.

ГЛАВА 1. ЛЕС

– ...А главное, внучок, всегда старайся сразу отличить: что идет от Бога, а что – от лукавого.

– Как же я это отличу, бабушка?

– Да дело-то нехитрое. Господь поведет тебя вперед, а лукавый – по кругу. Господь даст жажду утолимую, а лукавый – неутолимую. Господь позовет радоваться миру и свету, а лукавый потащит в суету и потемки.

– А какая это жажда – неутолимая?

– Та, которую унять невозможно. Вот, к примеру, захотел ты пить, зачерпнул воды из криницы, попил – и все, ушла жажда. Потому что эта жажда – утолимая. Она от Бога. Он, если дает нам желания, то дает и возможность их исполнить. Нужен нам воздух – смотри: он всюду! Дыши, сколько хочешь! Нужна вода – так она и с неба льется, и ключами бьет, и под землей есть – только не поленись колодец выкопать. Если каждому человеку положена пара – то разделил Господь людей на мужчин и женщин не один к десяти, а поровну, чтобы всяк мог себе половинку найти, даже самый невзрачный. Только отыщи ее и угомонись, не засматривайся на других, не поддавайся соблазну, а то так и будешь маяться, перебирать. И все будет казаться, что вон та, другая, лучше! А такая жажда – уже неутолимая. Она от лукавого.

Или, к примеру, погонится человек за деньгами да властью – и чем больше их у него есть, тем больше ему надо. Все хочется еще и еще. Тоже неутолимая жажда. Мне когда-то один батюшка в церкви рассказывал – он, до того, как к Богу пришел, картежником был.

– Картежником?

– Ну да. Ты же знаешь, как в карты играют? Обычно это делают просто так, для развлечения. А некоторые люди играют на деньги. И вот этот батюшка рассказывал. Когда, говорит, проиграешь, обидно игру бросать, отквитаться хочется, это понятно. Но когда выиграешь – вроде бы радость должна быть! А ее нет! Потому что думаешь: эх, а вот если бы раньше не проиграл, тогда бы вон сколько уже было! И еще обидней становится. И думаешь: ну уж впредь-то не ошибусь! Впредь-то хапну всё! И бросаешься играть еще запальчивей. И не можешь остановиться, пока не проиграешься в пух и прах. А тогда и жизнь не мила становится, вот до чего грех доводит! От такой жажды бежать надо сразу, пока она тебя не затянула. И Бога просить, чтобы уберег. Потому что в одиночку можно и не совладать. Есть в жизни вещи, которых не стыдно бояться. И просить Бога о помощи тоже не стыдно. Стыдно затаиться, замкнуться. Ты вот, когда не знаешь, как поступить, у кого спрашиваешь? У мамы, у папы, у меня. Мы тебе как раз Богом и даны, чтобы в жизнь тебя ввести, от бед охранить. А мне у кого спрашивать? У меня папы и мамы давно уже нет. Остался только Господь. И если я от него таиться начну, то, во-первых, его обижу. Это как если бы ты совсем перестал разговаривать с папой и мамой или все время врал им. А они тебя любят, волнуются, доверяют. Разве можно любовь их обманывать? Вот представь, пошел бы ты в лес сам, без взрослых. Что бы было? Заблудился бы и попал в лапы зверям. Так и человек без Господа пропадает... Ну, вот мы и пришли.

За поворотом лесной дороги открылась широкая поляна, на которой длинными полосами лежали валки скошенной травы. В горячем неподвижном воздухе густо растекался аромат множества срезанных соцветий, и шмели гудели над ними, спеша разобрать оставшийся нектар.

– Нам надо сегодня сгрести все это сено и сложить в копны. На завтра я договорилась с трактористом – отвезем все на кордон. Давай, помогай. Собирай своими грабельками все, что не захвачу. Хорошо?

– Хорошо.

– Бабушка, а как это, ты говоришь, Бог и лукавый меня позовут? Ты что, прямо слышишь, как они разговаривают?

– Голос Господень – он звучит в каждом из нас. Только, внучок, один человек к нему прислушивается, а другой – обманывает себя, дурачком глухим прикидывается. Чтоб грехи свои оправдать. Не знал, дескать. А лукавого мы, может, и рады бы не слышать, да уж очень он умеет подсоветовать под руку!

– А почему Бог такой строгий – грехи не прощает?

– Да разве ж он строгий? Смотри, сколько с нами возится! А мы все никак в толк не возьмем: что можно, а чего нельзя. Господь, небось, больше нашего переживает, когда мы лукавому в ловушку попадаем. Уфф! Заговорил ты меня.

Бабушка прервала работу, приставила вилы к свежей копне, перевязала поудобнее косынку на голове и с улыбкой посмотрела, как внук старательно сгребает в кучку просыпанное сено.

– Парит сегодня. К дождю. Надо успеть, а то в валках – вымокнет и запреет.

– А Бог – он все-все может?

– Конечно.

– Почему же он тогда лукавого не истребит? Мы бы тогда ни в какие ловушки и не попались!

– Как я думаю, лукавый, хотя его и называют врагом рода человеческого, он нам совсем не враг. Вот мама твоя в институте училась, так у них там профессор на лекциях расскажет свою науку, а чтоб закрепить знание – это уже помощник у него есть. Он на практических занятиях задачки всякие решать заставляет. Вот, я думаю, лукавый у Господа – тоже навряд ли такого помощника.

– Так получается – что? Бог и лукавый – заодно?

– Конечно. Господу ведь только дунуть – и нет лукавого. А не делает он этого.

– Почему же лукавого врагом назвали?

– Так ведь не всем же нравится над задачками голову-то ломать!

– А что ты там говорила про какие-то потемки и суету?

– Ну вот посмотри, как красиво у нас в лесу. Как солнышко сквозь листики проглядывает, как поляны светом заливает! Утром рассветает – каждая травинка, каждая букашка, каждая птичка свету радуются! А в городе? Там же главная жизнь только после ухода солнца и начинается. Суетятся, кублятся при своем электричестве. Думают: если вместе, скопом, так ничто не грешно. И если паясничать друг перед другом, так и одиночества нет...

– Ты бы в городе не хотела жить?

– Нет, что ты! Я, сколько там бывала, всегда оттуда бегом бежала.

– Бабушка, а вот ты все в лесу да в лесу. Все работаешь да работаешь. Тебе не скучно?

– Чего ж тут скучать? Дел-то, сам видишь, сколько!

– Ну а вот – не хотелось бы поехать куда-нибудь далеко-далеко, посмотреть на что-нибудь интересное?

– А мне, внучок, на чужое смотреть неинтересно. Мне любопытно на свое поглядеть: как оно растет, как на заботу мою откликается...

Дом стоял на косогоре, и с одной стороны в него можно было войти, перешагнув маленькую ступеньку, а с другой – к его второму входу – приходилось подниматься по длинной деревянной лестнице. Высушенная и выбеленная солнцем, она скрипела и раскачивалась при каждом шаге.

Кончалась лестница маленьким крылечком с перилами, и с этого крылечка было видно далеко-далеко. И, насколько хватало глаз, повсюду был лес. Он спускался в балки, поднимался на пригорки и, подернутый голубоватой дымкой, уходил вдаль.

Во всей округе дом был единственным жилищем. Называли его «лесничий кордон», хотя никакого лесника тут давно уже не было, а жили в доме два человека: пожилая женщина с длинными седыми волосами, туго увязанными под косынкой – не полная, но и не сухонькая, а крепкая, привыкшая к тяжелому труду, с упрямым взглядом серых глаз и запоминающимся узким прямым носом над обычно плотно сжатыми, до глубоких вертикальных морщинок, губами, и мальчик – худенький, с умными темными глазами, тонкими чертами лица, нежной чистой кожей и светлыми кудряшками волос, которые летом выгорали на солнце до почти белого цвета. Бабушка и внук.

Кроме нечастых поездок на рынок, связи с внешним миром почти не было, и обитатели кордона жили своим укладом, вставая с рассветом, ложась с закатом и проводя день в заботах о хозяйстве.

Заслышав поутру нестройный перезвон, мальчик перебирался по большой взрослой кровати поближе к окошку, сонно подтягивая за собой одеяло, и смотрел, как в рассветном сумраке бабушка поднимает коров, спавших летом не в хлеву, а прямо здесь, рядом с домом. Тускло отсвечивали латунью качающиеся под коровьими шеями пушечные гильзы, внутри которых на проволочках болтались и подренькивали ржавые гайки. Звались такие колокольчики «балабоны». По их перезвону вечером бабушка, чутко прислушиваясь, отыскивала буренок, куда бы те ни забредали за день.

Вставая, коровы подходили совсем близко к окну, потому что прямо под ним лежал гладкий, темноватый, похожий на огромную изюмину кусок каменной соли, «лизунец», и буренки по очереди проходились по нему своими шершавыми языками, размашисто мотая рогами головами.

Покончив с первыми ранними делами, бабушка и внук завтракали – на воздухе, за выскобленным деревянным столом, между малинником и большой белой русской печью.

Потом ехали за свежей водой. Пасшегося на поляне коня распутывали и запрягали в бричку, на которую ставили две-три алюминиевые фляги с крышками на защелках. Мальчик украдкой давал коню припасенный с завтрака ломоть белого домашнего хлеба, густо присыпанный солью. Конь жадно хватал его с ладони шершавыми губами, показывая огромные желтоватые зубы.

Криница была совсем близко, в балке, и к ней за несколько минут можно было бежать, перепрыгивая с корня на корень, по круто уходящей вниз тропке, но бричкой приходилось далеко объезжать по просеке. Когда между стволами показывались сруб и высоченный журавль, мальчик брал ведро и спрыгивал с брички. Здесь все дышало влагой, и мокрая трава приятно холодила босые ноги.

Подцепив ведро к журавлю, мальчик перегибался через сруб и смотрел на воду. До нее можно было дотянуться рукой – так она была близко.

Через несколько лет какой-то турист уронит в нее мыло, и криница, замутившись, умрет навсегда. Вроде бы ерунда – кусок мыла! Но что-то случится там, в глубине, в скрытом от глаз переплетении подземных ключей, и зальет криницу мутноватая, с зеленцой, горькая на вкус вода. И даже мучимый жаждой путник, зачерпнув ее, выплюнет с отвращением и пойдет дальше в поисках другого колодца.

Но сейчас вода была кристально чистая, почти невидимая. И бревна сруба уходили в ней далеко вглубь, растворяясь в темноте. Дно у криницы не просматривалось даже в полдень. Ее так и звали – глубокая. Когда ведро разбивало зеркало нетронутой спящей воды, по срубам разлетались яркие зайчики и с бревен испуганно вспархивала стайка разноцветных бабочек.

В обратный путь, в гору, конь шел неторопливо и сосредоточенно. Проходя мимо маленькой, в четыре улья, пасеки, он заметно нервничал: прядал ушами и недовольно подергивал головой. Боялся пчел.

У кордона повозка распугивала кур, которые гуляли свободно и сами находили себе пропитание. Став на одну лапку, они второй деловито чиркали по земле, поглядывая при этом по сторонам, а потом склонялись и с интересом изучали результат раскопок – то корешок аппетитный вывернется, то испуганный жучок выскочит, то покажется кончик вкуснейшего жирного червяка.

Даже летом раз в день птицу все-таки подкармливали, чаще пшеном, и, завидев мальчика с глубокой миской, которой он черпал из мешка в чулане, куры стремглав сбегались, отталкивая и сбивая с ног друг друга. Поклевав пшена, они пили воду, смешно запрокидывая головы. Поилкой служила старая покрывка от тракторного колеса, разрезанная вдоль.

Бабушка тем временем управлялась с кормежкой свиней, и пора было идти на огород, который находился рядом с криницей, в той же балке. Аккуратно огороженный плетнем, это был маленький оазис строгого порядка среди буйства перепутавшихся кустарников, обвитых диким хмелем. В углу огорода виднелась копанка – попросту яма, до краев наполненная подземным ключом. Вода здесь была совсем не та, что в кринице, – черная. Для питья она не годилась, только на полив. Копанку вплотную окружала густая высокая трава без стеблей с длинными тонкими листьями: из нее делали щетки для побелки. Издали чудилось, будто черная гладь воды на самом деле твердая, как стекло или полированный камень, и будто кто-то вдавил ее в голубовато-зеленую подушку травы. Внука так и тянуло к этой загадочной непроглядной копанке, и бабушка, боясь, как бы он туда не упал, напугала его водяным, который-де там обитает. С тех пор мальчик обходил это место, опасливо поглядывая на черную гладь: того и гляди, вздуется копанка пузырем и выпустит из себя этого жуткого водяного.

Но сама бабушка, невзирая на страшную опасность, смело зачерпывала темную воду оцинкованными ведрами, наполняя заодно и лейку внука. Огородники расходились по ровным грядкам и не торопясь тщательно поливали каждое растение.

Сняв с куста огромный, запотевший в прохладе помидор с красной шелковистой кожей – такой тяжелый, такой ароматный, – бабушка каждый раз заново удивлялась:

– Смотри, внучок, что земля дает! Вот, казалось бы: она же черная, несъедобная, – и где там в ней прячется этот цвет, этот вкус?

И в ее серых глазах, многое повидавших, зажигался детский, девчоночий восторг.

К полудню возвращались домой. Бабушка после обеда ложилась на кушетку вздремнуть, а мальчик тихонько выходил из дома и, обойдя его, взбирался по скрипучей лестнице. Поскользнув в дверь, он проникал в восточную половину дома. Она была нежилой – две пустые солнечные комнаты и полутемная кладовка, в которой хранился пасечный инвентарь: вощина, рамки, медогонка и дымарь с потертым кожаным мехом. Смешение ароматов старого дерева, воска, меда и сушеных трав создавало ощущение чего-то необычного, старинного и таинственного. Подпадая под чары этого ощущения, мальчик мастерил из воска маленькую свечу, поджигал фитилек и, присев рядышком, долго, неотрывно глядел на золотое с голубой сердцевинкой пламя. Он не знал заученных молитв, и его задумчивость не была молитвой. Это был обычный разговор с Богом. А иногда они просто молчали вместе. О чем? А кто вспомнит, о чем вообще он надолго задумывался в неполные шесть лет?

Оклик бабушки выводил внука из оцепенения, и мальчик спешил во двор. Надо было слазить в погреб, напоить козу, сходить в курятник за свежими яйцами, сбегать за песком для посыпки двора и много чего еще сделать за длинный-предлинный летний день.

Погреб снаружи выглядел просто как квадратная дверка, лежащая на земле, среди травы. Приоткрыв ее и подперев палкой, нужно было спуститься по приставной лестнице. После солнцепека тут сразу обдавало холодом. Когда глаза отвыкали от света, в полумраке проступали

обязанные марлей ведра с молоком, приготовленным для перегонки, сливки в стеклянных баллонах и завернутые в белую материю куски свежего масла. Погреб этот выкопали несколько лет назад. Раньше был другой, чуть подальше, но в тот попал метеорит, и теперь на его месте была огромная воронка. Бабушка не знала слова «метеорит» и объясняла внуку, что это с неба упал чертов палец. Подойдя к краю воронки, мальчик подолгу всматривался в ее центр: не виднеется ли хоть чуть-чуть этот палец? Какой он там? Наверное, большой, как булыжник, все еще раскаленно-красный и с кривым острым когтем.

Песок брали примерно в полукилометре от кордона. Там большой пологий холм круто обрывался, и в нижней части обрыва была маленькая пещера, дно которой состояло из чистого, словно просеянного песка. Над обрывом росла дикая яблонька – «кислица», и яблоки, падая, скатывались на песчаное дно пещеры, которая в жаркие июльские дни разогревалась солнцем, как большая духовка, и пекла эти яблоки, придавая им необычайный вкус и аромат.

Дикие обитатели леса не особо тревожили кордон. К кринице, правда, частенько приходили лоси и кабаны, но, почувяв приближение человека, исчезали, и лишь множество следов возле лужи в тенистой низинке говорило об их присутствии. Одни только лисы все время стремились подобраться к кордону, привлекаемые курятником. Стоило Волчку, небольшому беспородному псу, зазеваться, как у несущек поднимался страшный переполох. Мальчик бросался туда, крича: «Бабушка, лиса!» – но успеть было невозможно. На бегу мальчик видел, как рыжая молния проскакивала от двери курятника к лесу, и дорожка из перьев оставалась последним напоминанием о какой-нибудь курочке или петушке.

Молоко перегоняли сепаратором. Это, наверное, было самое сложное устройство в доме. Сорок три конуса из тонкой нержавеющей стали, тщательно вымытые и обданные кипятком, сушились на столе, накрытые марлей – а то, не дай бог, муха сядет! Подготавливая сепаратор к работе, мальчик нанизывал конусы один за другим на стальной штырь. Очень важно было соблюсти последовательность номеров, отштампованных на тонкой нержавеющей стали, – иначе сливки не получатся. Накрыв конусы тяжелым литым кожухом, мальчик звал бабушку, и они вместе туго закручивали гайку наверху. Получившаяся массивная деталь именовалась баклушей и была главной частью сепаратора. Вливаясь в крутящуюся внутри сепаратора баклушу, молоко разделялось в ней на сливки и перегон, стекавшие по специальным желобкам по разные стороны сепаратора. Чем быстрее крутишь ручку, тем сливки становятся гуще и жирнее, а перегон приобретает водянистую прозрачность.

Когда вечернее солнце касалось далеких деревьев и, будто проколотое, огненными ручьями проливалось в их кроны, приходило время пригонять и доить коров и козу, путать коня.

Ужинали уже почти в полной темноте. Лампу попусту не зажигали: чего керосин зря переводить. Захочешь есть – небось в ухо кусок не понесешь.

И слышно было, как вздыхают коровы, как коза ударяет рогом в загородку, а прямо над головой, в остывающем от заката небе, одна за другой зависали яркие близкие звезды.

– Бабушка, правда звезды – как будто дождик начал падать и заснул!

Ночь была сказкой. На полянах в траве зажигались россыпи светляков, и где-то совсем рядом в непроглядной лесной тьме громко вскрикивала птица, четко произнося человеческим голосом, грустно и протяжно:

– Сплю... сплю...

– Слышишь? – спрашивала бабушка. – Птица говорит, что она уже спит. Значит, и нам пора.

Эту птицу так и звали – сплюшка. Мальчик никогда ее не видел. А услышать можно было только после сумерек.

В лунную ночь особенно не хотелось уходить в темный дом. Было видно, как низины затягивает туманом. Призрачной рекой вливался он в балки, растекался на уровне человеческого роста и серебристо отсвечивал. Иногда в стену дома ударялся с лёта большой жук. Мальчик подбирал его, и тот, зажатый в ладошке, щекотно упирался в нее лапками и, казалось, обиженно сопел.

Через двенадцать лет к кордону подойдет темноволосый парень с рюкзаком. Он постоит немного возле единственной еще не рухнувшей стены, присядет на корточки, задумчиво потрогает кусок штукатурки, влипший в посеревшую от дождей драпку. Потом встанет, окинет округу долгим взглядом, сожмет губы, развернется и быстро зашагает назад, не оглядываясь.

Но за пять лет до этого он напишет:

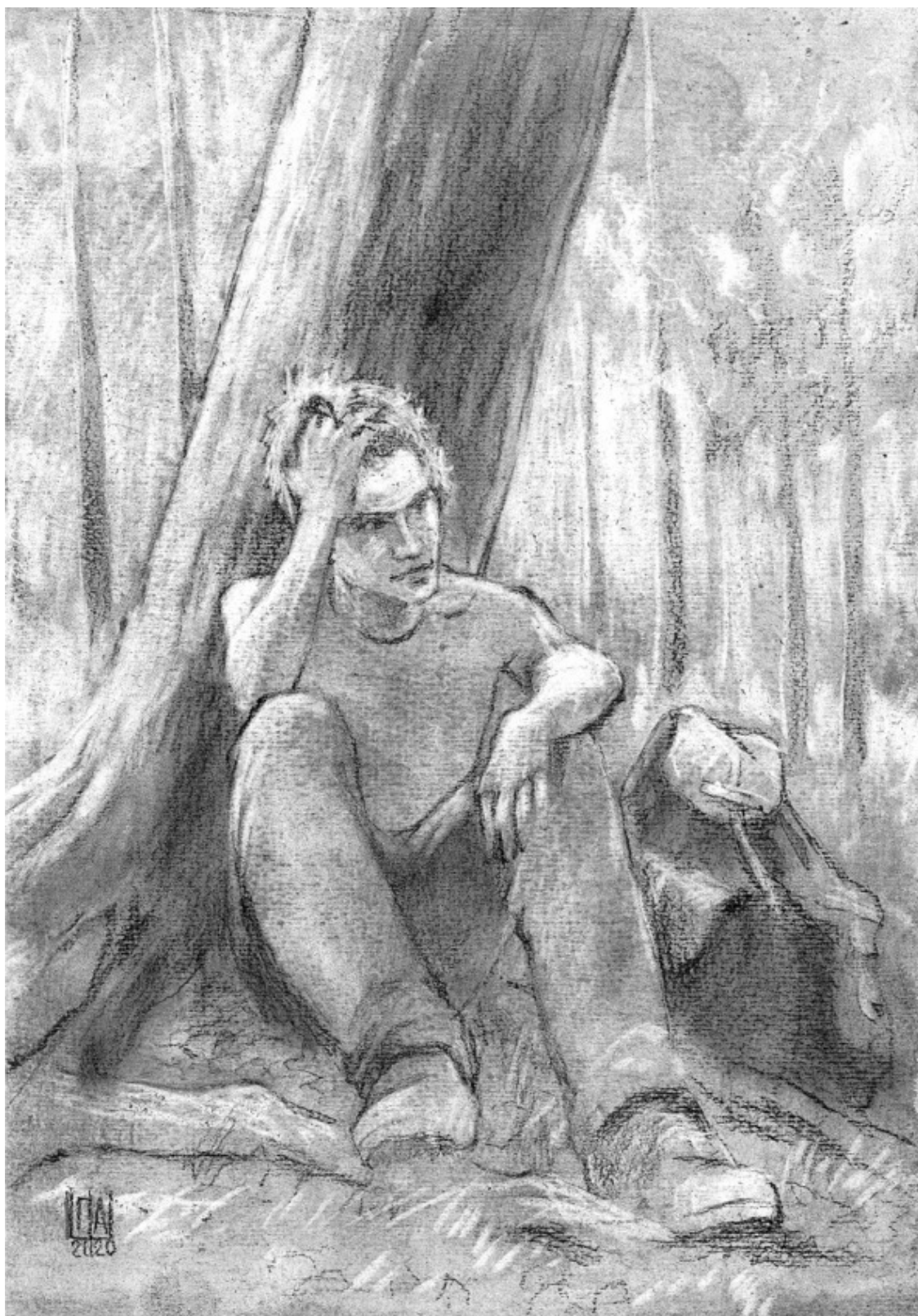
В лесу, где вечерняя птица
Звезду задевает крылом,
Свой век коротала криница
С влюбленным в нее журавлем.

И, к ней не пускаемый грузом,
Стонал он, бедняжка, и сох,
Похож, недвижимый и грустный,
На стрелки стоящих часов.

Но счастье – такая уж штука:
Хоть чуть – да у каждого есть.
Под россыпь подковного стука
Лесник наезжал в этот лес.

Бидарку оставив поодаль,
С собою ведерко он брал,
И в светлую-светлую воду
Криницу журавль целовал.

И жизнь не напрасной казалась,
И не было места беде,
И солнце ромашкой качалось
На светлой, как небо, воде.

ГЛАВА 2. ВАСЬКА

Кабан Васька к осени достиг возраста полутора лет. На этом век его подошел к концу, поскольку был он никакой не кабан, а обычный домашний хряк, вернее, боров, кастрированный еще на третьем месяце жизни. Но на юге России домашних хрюшек часто называют кабанями.

В последние годы бабушка стала жаловаться на здоровье, и Егоркина мама, когда приезжала, уговаривала ее больше не выкармливать свиней.хлопот с ними много, а сдавать их по живому весу – выходили гроши. Бабушка вроде согласилась и обещала поросят больше не заводить.

Но по весне к кордону на бидарке, открытой двухколесной повозке, запряженной одной лошастью, подъехал Арсентич, лесник с соседнего участка, крупный мужчина с крупной же круглой головой и длинными светлыми усами, который жил с семьей километрах в десяти-двенадцати, на другом кордоне. Визит был явно оговорен заранее, потому что гость даже не спешил. Просто передал бабушке какой-то мешок и, приветливо помахав Егорке, поехал по своим делам.

А бабушка бережно занесла поклажу в дом и, заговорщически улыбаясь, сказала:

– Ну-ка, внучок, гляди, что я тебе сейчас покажу!

И вытряхнула из мешка розового испуганного поросенка.

– Хотела больше не брать, но такие уж славненькие у Арсентича уродились – не удержалась.

– Бабушка, ну ты же обещала! Только что так намучились, пока тех сдали.

У Егорки были свежи воспоминания, как они ездили к заготовителям, как те кочевряжились и не хотели ехать в лес, торговались до какого-то полного бесценка, как потом приехали в дымину пьяные и грубо, за хвост, вытаскивали из загона розовых ухоженных свиней, вязали их, безумно визжащих и обделавшихся от страха, а затем, раскачивая, забрасывали в кузов грузовика.

– А мы его не будем сдавать! Мы для себя, – сказала бабушка. – К следующей зиме колбаски домашней сделаем, ты же любишь, а еще – божок – помнишь, какая вкуснятина?

Божком в этих краях называли блюдо наподобие домашней колбасы в оболочке из тщательно очищенного свиного желудка. Штука действительно очень вкусная. Туда от души клался чеснок, лавровый лист и перец, аромат которых растворялся в жировых прослойках, пропитывая всю массу. Елся божок холодным. В итальянской кухне такое блюдо именуется сальтисон, в немецкой по похожему рецепту готовится зельц, но с немецкой экономностью уже не из мяса, а из субпродуктов. Историки утверждают, что в России блюдо прижилось с Отечественной войны 1812 года, перенятое казаками от пленных итальянских солдат Наполеона.

Светленький симпатичный поросенок со смышенной мордочкой, конечно, и предположить не мог, в какое количество рецептов мировой кухни он занесен. Испуганно пятясь в угол, он посматривал на чужих людей из-под белых ресниц и тянул воздух розовым пяточком. «Хорошо, хоть не понимает, о чем говорят, – подумал Егорка. – А то ведь, наверное, не очень приятно, когда тебя любят за вкус твоего мяса».

Но бабушка лукавила. Расхваливая блюда, она просто старалась оправдать свой импульсивный поступок, порожденный на самом деле неизбежной вековой тягой человека держать возле себя животных и заботиться о них. Конечно, суровая практичность, заложенная в бабушке всей ее непростой жизнью, никогда бы не позволила ей заводить бесполезных зверушек для забавы, как делают это городские жители. На кордоне каждый питомец должен был что-то приносить на алтарь хозяйства – молоко, яйцо, мед, извоз, охрану или, извините, собственное мясо.

Даже кошка использовалась исключительно в прикладном плане и впускалась в дом только на короткое время – чтобы мыши чуяли, что она тут бывает. Остальное время она неутомимо вела войну с грызунами в подполье, в сараях, в курятнике и погребке. Кормежкой ее не баловали. Сытая кошка – плохой охотник. Но зато быстрота и грация у нее были поразительные. Черная, безупречно вылизанная шерсть горела, переливаясь на свету, и сыпала искрами в темноте при попытке погладить, а чистые, ясные глаза светились дикой, хищной энергией – никакого сравнения с рыхлыми и тусклыми городскими кошками.

Таковыми же образцовыми были у бабушки и коровы, и овцы, и гуси, и индюки. Любовь к домашней живности не могли истребить в ней ни сталинская коллективизация, когда всю нажитую скотину увели в колхоз, ни хрущевская борьба с личными хозяйствами, когда каждое дерево и каждая животины были обложены непомерным налогом и по деревням ходили специальные комиссии, прислушиваясь: не заблеет ли где незаконная козочка, не замычит ли утаенный теленок, – чтобы тут же оштрафовать хозяев.

Через много лет на вечеринке у берега теплого океана Егор не удержится и вступит в спор.

Один из гостей, русский, оглядывая с террасы широкую лунную дорожку на воде с вклинивающимися в нее черными силуэтами скал, воскликнет:

– Красота! – и патриотично добавит: – Нет, в России, конечно, тоже есть красивые места... Но у нас одна проблема: стоит отъехать от городской черты считанные километры, и дальше людей просто нет – сплошь только пьянь и тупое быдло.

– Так уж и сплошь? – улыбнется Егор.

– Сто процентов! – убежденно заявит собеседник, отпив из бокала глоток шампанского. – Сельпо – оно и есть сельпо! У них и руки из жопы, и голова оттуда же.

– Но без этих людей, наверное, и нас бы не было? Нам ведь для жизни нужны еда и воздух. А их ни гаджеты, ни интернет не дадут. Только животные и растения. И с ними кто-то должен возиться, разве не так? – спросит Егор. – Можно ли так огульно отзываться о тех, кому мы обязаны своим существованием?

Собеседник в ответ снисходительно улыбнется:

– Без помойного ведра тоже не обойтись, но это не значит, что ему надо поклоняться!

В этот момент Егора тронет за рукав подошедшая сзади симпатичная женщина, профессор-лингвист из Мадридского университета:

– Что у вас за спор? Я не все понимаю по-русски.

Егор, смягчая выражения, переведет ей суть разговора.

– А, да! – серьезно скажет испанка. – Я полностью согласна. И Егор решит, что она согласна с ним. Но собеседница добавит: – У нас ведь в Испании фактически два разных языка. Нет-нет, я не говорю сейчас о языке каталонцев или басков. Это отдельный разговор, это первично билингвальные народы, каких, кстати, в мире совсем немного. Я имею в виду наше основное, кастильское наречие. На самом деле оно состоит из двух мало пересекающихся лексиконов: одним пользуются высшие слои общества, а другим – чернь. Это сложилось веками, и эти две группы хотя и могут понять друг друга, но никогда образованный человек не снизойдет до языка низших классов, а те никогда не освоят язык элиты. Ведь крестьяне, работающие на земле, – они не такие, как мы с вами. Это совсем другие люди. Вернее сказать, не совсем люди. Они – наполовину животные: тупые, неразвитые, неспособные к восприятию прекрасного...

Егор будет слушать, и перед его глазами встанут картины далекого детства: вот бабушка любит, как сверкают капельки на листьях после дождя, вот слушает птичку, щебечущую в высокой кроне, вот удивляется огромному помидору, вот неотрывно смотрит в пылающий закат. Да, она не ходила по концертным залам и картинным галереям. Она радовалась миру. Она видела оригинал, и ей не нужны были копии.

Егор не станет спорить, чтобы никого не обижать, тем более будучи в гостях. Но ему надолго запомнится выражение гадливости и презрения на лице этой интеллигентной женщины в момент произнесения ею слова *campesinos*, что как раз и означает «крестьяне».

Как рассказывала бабушка, в начале двадцатых годов, после революции, новая власть, пришедшая под лозунгами «фабрики – рабочим, земля – крестьянам», поначалу и вправду раздавала сельчанам бывшие господские земли – кто сколько возьмет. Народ от такого счастья прямо обезумел – еще бы, сбылась вековая мечта земледельца! Наделы брали до горизонта! Скотину, правда, в Гражданскую войну всю поистребили, так что пахали на себе. Работали так, что даже спать в деревню не ходили, ложились прямо на поле, чтоб не тратить время на дорогу и продолжить прямо с рассветом. Только детей посылали домой сорвать на огороде лука да принести бидончик кваса. Хорошо, если у кого было припасено сальцо, а так в основном на сухариках.

Но и результат трудов ждать себя не заставил: уже через год-два у всех были быки, а потом и кони, а там, гляди, начали строить новые дома, уже кое-кто и земляным полом брезговал – настилал деревянный! Стали снова отмечать праздники. В выходные дни с утра на скамеечках перед домами усаживались старики в новых, подаренных детьми рубахах, а вечерами собиралась на игрища молодежь.

Пошли справлять свадьбы. Бабушку, тогда еще совсем юную, шестнадцатилетнюю, тоже выдали замуж. Посватался неплохой человек, не стали обижать. Девка – товар скоропортящийся: передержишь – беды не оберешься. Хотя, как потом призналась бабушка дочке, Егоркиной маме, больше года она мужа к себе не подпускала – считала, что слишком молодая еще. Муж был заметно постарше и отнесся к этому с пониманием, не сильничал.

А потом как-то зимой в деревню приехал незнакомый человек в кожанке и с наганом. Зайдя в сельсовет, он показал председателю документы и спросил:

- А кто у вас в селе самый бедный?
- Да, пожалуй, вон – Ванька-дурачок, беднее его никого нет.
- Ну, вот и определяй меня к нему на постой.
- Да у него там клоповник и жрать нечего. Бобылем живет – кто за него пойдет! Его если от жалости кто покормит, а так – одними буряками питается.

– Ничего, я привычный.

На следующий день жители деревни, занимаясь своими делами, нет-нет да и замечали в разных местах странную пару – незнакомца и Ваньку-дурачка, тоже уже в такой же кожанке и с маузером в деревянной кобуре на тонком кожаном ремешке через плечо. Ванька дымил самокруткой и что-то рассказывал гостю, тыча пальцем в самые богатые подворья.

Наутро спозаранку председатель сельсовета обошел дворы и передал тридцати мужикам из числа наиболее зажиточных приглашение собраться перед зданием сельсовета к десяти часам, дескать, комиссар с ними потолковать хочет.

Слухи были самые разные: от хороших («электростанцию строить собираются») до плохих («излишки зерна будут вымогать»).

На деле все оказалось иначе. Пришедшие к сроку мужики с удивлением увидели возле сельсовета отряд вооруженных матросов, стоявших строем и переминавшихся с ноги на ногу – морозец придавливал, а ботиночки – не валенки.

Когда подтянулись последние из мужиков, матросы по команде вдруг слаженно, с глухим топотом и бряцанием оружия, побежали двумя цепочками и сомкнулись, опоясав мужиков ровным кругом.

– А ну снять всем верхнюю одежду! – скомандовал мужикам вышедший вперед тот самый вчерашний незнакомец.

– Вы что, хлопцы? Чего-то мы не поняли... – начал было один из мужиков.

– Тут понимать нечего – скидавай кожух и портки! – вякнул из-за спины комиссара Ванька.

Матросы по команде клацнули затворами и взяли ружья на изготовку.

Мужики, поглядывая друг на друга, стали раздеваться: обыскивать, что ли, будут?

– В колонну по трое – стройся! – скомандовал комиссар, когда селяне остались в одних рубахах и кальсонах.

– Это нам? – переспросил ближайший к нему мужик.

– Вам, вам! – снова высунулся Ванька.

И уже через минуту – в деревне еще никто всполошиться не успел – лучших ее хозяев строем, в одном исподнем, босиком по снегу, под конвоем матросов погнали за тридцать километров в город. Больше их не видели. Спустя пару дней все их подворья подверглись полному разорению прибывшей бригадой по раскулачиванию.

Молодую бабушкину семью эта беда тогда не затронула – они с мужем только начали жить отдельно в небольшой хате и хозяйство имели самое скромное. Бабушка, с детства приученная к работе, трудилась от зари до зари и ни о чем, кроме хозяйства, сильно не задумывалась. А вот муж ей достался немножко не от мира сего.

Звали его Семен. Высокий, худой и широкоплечий, то есть по деревенским меркам слегка несуразный (тут уважалось более плотное телосложение), он нередко служил объектом для шуток и получил у односельчан прозвище «каланча». Нельзя сказать, что Семен был плохим хозяином, нет. Работник он был азартный. Особенно любил копать вилами картофель, с восторгом глядя, как из серовато-черной рыхлой земли вываливаются на свет крупные золотистые клубни.

Но вот, бывало, встанет вдруг во время прополки:

– Гляди, Аня, какой закат!

Молодая жена только отмахивалась: какой там закат, когда до темноты вон еще сколько протяпать надо, сорняк стоймя стоит!

Или купил как-то мандолину и выучился на ней играть. Оно, конечно, послушать, может, и приятно, да только когда этим заниматься, если гуси в соседский огород залезли и хрюшки верещат голодные.

А по осени ружьецо на муку выменял, на охоту ходить. Да толку с той охоты! Весь день по лесу прошивается, а добычи – когда-никогда тетерев или куропатка. Охота – забава барская, а крестьянину о хозяйстве думать надо.

Когда образовался колхоз, муж стал с Аней заговаривать – не вступить ли? Та была категорически против:

– Ты, Сеня, видел, как там со скотиной обращаются? Они ж на работу к восьми часам выходят, а коровы с четырех не кормлены и не доены мычат! Чтоб я свою Зорьку туда отдала – да ни в жизнь!

– Ох, Ань, смотри, не нажить бы нам беды!

И беда пришла. Богатых дворов в деревне давно не осталось. Теперь раскулачивали уже тех, кто просто имел коня или, например, два самовара. Действительно, зачем два-то? Излишество, барство! А то вдруг приходил донос, что такой-то съездил на рынок и продал мешок семечки, выращенной своими руками, – торгаш, спекулянт, враг! Или зарезал по осени и съел свинью, «воспрепятствовав таким образом ее переходу в социалистическую собственность». А чаще всего причиной доносов становились сведения личных счетов и банальная зависть.

Зависть – страшная штука. Страшней, чем обида или месть. Ты можешь ничего плохого не сделать человеку, можешь даже не быть с ним знаком, но при этом стать его злейшим врагом.

Нашелся кто-то, кто позавидовал и бабушкиному счастью: а ну-ка – муж не пьет и за волосы не таскает. Не по-нашенски это. Тем более дочка у нее родилась такая здоровенькая да сытенная, аж глядеть тошно.

Пока мужская часть комиссии по раскулачиванию ходила по их двору, описывая скотину и птицу, а женская, вытащив во двор сундук, беззастенчиво, как в магазине, примеряла на себя Анины вещи, Семен молча сидел на крыльце и отстраненно вертел в руках вырезанную им накануне деревянную куколку. Аня, обругав бездеятельного мужа, ушла в хату кормить грудью расплакавшуюся дочку.

Председатель комиссии между делом, проходя мимо, выдернул из сундука крохотную, искусно вышитую рубашонку, которую Аня только что сшила для дочери. Разорвав ее пополам, одну часть бросил на землю и втоптал сапогом в грязь, а другую, высморкавшись в нее, запихал в карман своих галифе.

Увидев это, Семен вдруг выронил куколку из дрожащих пальцев, метнулся в дом и выско-чил оттуда с ружьем, которое было припрятано в чулане.

– Да что же вы делаете! – закричал он и выстрелил в воздух.

Члены комиссии, привычные к таким сценам, уставились на него, поняв, что опасности нет и что он сам не знает, что делать дальше. Председатель уже открыл было рот, дабы осадить мерзавца зычным окриком, как неожиданно сбоку грянул второй выстрел.

Семена шатнуло, лицо его вдруг сделалось другим, а крыльцо позади окрасилось красными пятнами – пуля попала в скулу. Выронив ружье, он рухнул как подкошенный. В нескольких метрах в стороне стоял Ванька, с восторженным интересом разглядывая дымящийся ствол маузера.

Так в неполные двадцать лет бабушка стала вдовой врага народа, с оружием в руках выступившего против советской власти. Ее, правда, не тронули, просто обобрали до нитки и оставили умирать с голоду с крохотной дочкой на руках. А вот отца ее арестовали и сослали на Соловки.

То время исковеркало немало судеб. И, как ни странно, редко кто обвинял в этом верховную власть. Причина каждой трагедии виделась в действиях конкретных исполнителей на местах. Известно: собака злится не на хозяина, а на поводок.

Односельчане хотя по-человечески и жалели Аню, но сторонились страдалицы, боясь, как бы тень ее беды не накрыла и их.

Через три года семнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии большевиков торжественно провозгласит, что социализм в СССР победил и в основном построен, а частная собственность и эксплуататорские классы окончательно уничтожены. Экономика страны вступит в эпоху социалистических производственных отношений.

Десятилетие до Великой Отечественной войны и десятилетие после нее станут не только самыми успешными для страны, но и недостижимым рекордом роста во всей мировой истории развития человечества. Дважды поднимется СССР из разрухи и нищеты, многократно наращивая свою промышленную, научную и военную мощь, превратившись в итоге в сверхдержаву, контролирующую полмира и владеющую самыми современными ядерными и космическими технологиями.

Но Аня замкнется в своем горе, и вся политика властей так и останется в ее понимании, как, впрочем и в понимании многих вокруг, не «борьбой с эксплуатацией человека человеком», не «переводом сельского хозяйства на индустриальные рельсы» и не «стиранием грани между городом и деревней», а просто непонятным запретом трудиться на земле и иметь дом и коня.

Много позже, когда они с Егоркой будут идти по городу на рынок, она скажет:

– Ты гляди, какие дома люди строят! Машины покупают! Это разве не кулаки? Почему ж их никто не трогает? А нас-то...

А спустя еще полвека сам Егор, глядя на заокеанскую жизнь, с грустью заметит, обращаясь к жене:

– Вот посмотри, ведь наш народ во многом талантливее этой разношерстной публики. Но десятилетия мытарств истребили в нашей стране инициативу, убили в людях веру в то, что трудом можно достичь процветания.

Тогда, в тридцать первом, вдова одного лесника, мечтавшая перебраться из глухого леса в деревню, предложила Ане поменяться домами, добавив в качестве доплаты кое-какие припасы на зиму. Бабушка не задумываясь согласилась. Только бы подальше от этой власти, что так не любит людей, которые живут не подачками, а собственным трудом.

– Пойдем, дочка, – приговаривала она, успокаивая скорее себя, когда шла по дороге, уводящей в лес, и в одной руке несла малютку, а другой придерживала перекинутые через плечо два узла с пожитками. – Пускай они забрали у нас все, мы снова нароботаем, у нас с тобой все-все будет, а они – как были голодранцами, так и останутся.

Эта привычка – все время разговаривать с дочкой, а когда дочка уедет – с животными, с самой собой, комментируя все свои планы на ближайшее время, останется у Ани навсегда. А как иначе выжить одной в лесу, в постоянном одиночестве и страхе, надеясь только на себя да на Бога.

– Боженька, прошу, не дай погибнуть, дай только дочку вырастить, – молила она в самые трудные, безнадежные моменты. И чувствовала, как прибывают внутри и силы, и спокойствие, как вера в Бога дает веру в себя.

Она переживет самую страшную войну двадцатого века и, неустанно трудясь на земле, всего девять лет не доживет до нового тысячелетия.

Но пока на окраине села Аня остановилась и окинула его прощальным взглядом. Неподалеку, возле одной из хат, стайка детей дразнила старуху, которая никак не могла выговорить новомодные слова-сокращения:

– Бабушка, бабушка, а скажите: «племхоз».

– Племяхвост, хай ему грэць! – огрызнулась старуха и в сердцах сплюнула, вызвав взрыв детского хохота.

Тот уход в лес спас Аню в годы беспощадного рукотворного голода, который подытожил коллективизацию. Вся ее ближайшая родня, мать и семеро братьев, умерли. Аня с дочкой выжили, но и в их маленькой семье голод оставил свой губительный след: желудок малышки оказался навсегда испорчен кашей из отрубей и макухи, которой мать вынуждена была кормить девочку – молока в груди не было ни капли.

Замуж Аня так больше и не вышла. Мужики, которые приезжали к ней свататься, казались ей чужими, вонючими и придурковатыми. Частенько вечерами она рассказывала дочке об отце и, не удержавшись, начинала плакать, и дочка, скривив личико, тоже хныкала, уткнувшись ей в подол. И было горько Ане вспоминать, как обижала она иногда мужа непониманием. И порой она вдруг спохватывалась, заметив, что стоит на поляне, бросив скирдовать сено, и смотрит в широкий закат, не в силах оторвать глаз, словно бы это он, Семен, смотрит на закат ее глазами...

Поросенок Васька однажды здорово приболел. Бабушка забрала его в дом, выпаивала теплым молоком и травяными отварами, запаривала для него в кастрюле отруби, нарезая туда маленькими кубиками тыкву и морковь. Поросенок лежал на чистой тряпочке у стенки, исхудавший, часто дышал, то и дело негромко взвизгивая, видимо, от болей в животике. Когда его прохватывал понос, бабушка все тщательно убирала и обтирала Ваську чистой влажной марлечкой.

Уход и усиленное питание сделали свое дело. Васька пошел на поправку и скоро уже бегал по двору за Егоркой, весело вертя хвостиком, а через год крупный, холеный, довольный жизнью боров лежал в загоне, протянувшись от одной стенки до другой.

Поднимаясь по тропинке с огорода, бабушка задыхалась, но ускоряла шаг, приговаривая Егорке:

– Слышишь, кричит? Голодный, бедный, – и уже во весь голос, сквозь прерывистое дыхание: – Слышу, родненький!.. Иду, миленький... бегу, сейчас покормлю... сейчас... сейчас!

Непрерывный визг усиливался до самого момента выливания ведра с едой в кормушку и только тогда мгновенно стихал, сменяясь чавканьем и бульканьем – Васька зарывался в еду по самые глаза, пуская обильные пузыри.

– Бабушка, откуда у него такой аппетит? Он же ничего не делает, только валяется.

– Ох, внучок, некоторые люди тоже всю жизнь на диванах пролеживают, а едят не слабше кабанов.

И вот пришла осень, приближались первые морозы – время, когда обычно режут свиней.

Как-то на кордон заехал Арсентич, тот самый лесник с соседнего участка, который в прошлом году привез маленького Ваську. В этот раз гость не спешил и согласился отобедать. На селе такие визиты всегда сопровождаются осмотром хозяйства: тут и любопытство гостей, и гордость хозяев, и обмен опытом. Увидев кабана, Арсентич восхитился:

– Какой красавец! Вот это он раскохался! И не узнать. Когда будете резать, на ноябрьские?

Егорка услышал эту фразу и сразу пристал к бабушке, вводя ее в неудобство перед чужим человеком:

– Как, бабушка? Разве мы Ваську зарежем? Он же такой хороший! Он мой друг! Он любит, когда я его чешу за ушком!

Егорка так привык к Ваське, что уже действительно считал его своим другом и совсем забыл тот разговор про колбасу и божок.

Бабушка и сама чувствовала себя не в своей тарелке и уже жалела, что связалась с кабанчиком.

– Ладно, оставим на следующий год.

– Правда? Так можно?

– Можно. Люди есть и по три года держат.

– Ура-а! – закричал Егорка. – Пусть Васька живет!

Год для мальчишки был равен чуть ли не вечности.

Но Васька сам себя подвел. Нагуляв дурную силу, он зубами повыдергивал гвозди-стодвадцатки, развалил загон и с восторгом выбежал в лес. Его черные следы были четко видны на первом снегу, припорошившем еще не мерзлую землю.

Далеко Васька не ушел и был обнаружен под ближайшим дубом за поеданием желудей.

С таким же оптимизмом он проделал и обратную дорогу на кордон, выхватывая из бабушкиной руки желудь за желудем и весело ими чавкая. Миской картофельных обрезков бабушка заманила его в сажок, то есть хлеб, и, облегченно выдохнув, задвинула деревянный засов.

– Все, внучок, испортился Васька, разбаловался. Придется резать.

– А что будет, если не резать?

– Кабаны – они такие: если воли понюхал – теперь все равно убежит, не удержим.

– И что тогда?

– Либо одичает, либо замерзнет, а то и на волка набрести может. Так что придется все-таки резать. Ты тут запирайся, никому чужим не открывай, а я поехала за резаком.

Егорка знал, кто такой резак, но никогда еще его не видел. Это был человек, которого нанимали резать скотину там, где хозяева не были уверены, что справятся сами.

Бабушка рассказывала о нем с восхищением и всегда ставила в пример Егорке, когда тот плохо ел.

– Знаешь, он, когда телочку забивает, то приставляет к разрезу кружку, набирает полную крови и выпивает! Так ты бы видел, какого цвета у него щеки – пунцовые, прямо как помидоры! Вот здоровье у человека!

Пережив голодные годы и вырастив слабую здоровьем дочь, бабушка как-то особенно восторгалась сильными и здоровыми людьми.

Резак оказался дома и свободен, поэтому решили не откладывать. Он взял нож-тесак, заправил паяльную лампу, накинул зеленовато-рыжую ватную фуфайку на голое тело и поехал на своей бидарке вслед за бабушкиной.

Егорка увидел их в окошко и вышел встречать, грустный, но понимающий, что ничего не поделаешь.

– Только знаешь, – сказала бабушка резаку, – ты уж тут, пожалуйста, сам управляйся, а мы пойдем – я не могу на это смотреть.

– Ты, бабуля, иди, тебе на это смотреть и не надо, а мальчика оставь. Он мне поможет.

– Да мал он еще!

– Ничего не мал. Сколько тебе? Семь скоро? Я в эти годы уже сам козла резал. Помню, лежит он, связанный, а я сел ему на шею верхом и никак глотку ножом не перепилю – силы в руках еще не хватало. Козел орет, снег вокруг меня красный уже метра на три. А куда деваться – мать сказала: режь, ты теперь в семье старший мужчина. Батя-то со старшим братом тогда на фронт ушли, а младший еще пешком под стол ходил.

– Да нет, ты, наверное, давай уж сам.

– Не переживай, бабуля, я все сам сделаю, пацан мне только связать его поможет. Кабан-то его знает, подпустит. А от меня шарахаться будет, еще вырвется – ты ж его там небось раскормила, я ж тебя, бабуля, знаю.

Резак повернулся к Егорке:

– Зовут как? Егор? Ну что, Егор, мужчиной будешь расти или мазунчиком?

– Мужчиной, – неуверенно ответил Егорка.

– Вот и молодец, пошли. А ты, бабка, иди, иди, нечего тебе тут делать.

По пути к загону резак спросил:

– Как кабана-то зовут?

– Васька.

– Ого! Тезка. Я тоже Василий.

– Дядя Резак, а вы ему будете горло резать?

– Да не, я его в сердце ударю.

– А ему очень больно будет?

– Нет, он даже испугаться не успеет.

– А вы и человека так же можете?

– Конечно, таким-то ножом – запросто! – похвастал резак и вдруг понял, что беседа повернула куда-то не туда. – Ладно, хватит глупые вопросы задавать. Вот тебе петля из вожжей, зайдешь и накинешь ему на заднюю ногу. Я здесь у двери подожду, вынесешь мне вот этот конец вожжей и выходи из сажка, я сам зайду и управлюсь. Все понял?

– Все.

– Давай.

Резак приоткрыл дверцу, и Егорка вошел в полутемный сажок.

Васька спал у дальней стенки, довольно похрюкивая – желуди небось снились.

Егорка остановился, привыкая к темноте, и оглянулся. Резак встал в дверном проеме, полностью загородив его:

– Ну, давай, чего ты?

Васька, услышав чужой голос, всполошился. Он попытался вскочить, но слабые ноги скользили и дрожали, не в силах поднять огромное колышущееся тело. Тем не менее он встал, и вид у него был настороженный, как будто он все понимал.

– Это я, Васька, не бойся, – Егорка чувствовал себя предателем.

Кабан повернулся к нему мордой, опустил ее и недоверчиво смотрел исподлобья.

Егорка расправил в руках петлю и стал тихонько обходить кабана, чтобы как-то подсунуть ее под заднюю ногу, приговаривая:

– Ну, что ты, дурачок, испугался, все хорошо, все хорошо...

И тут Васька выкинул фортель. Со страшным визгом он сорвался с места, тесанув Егорку шершавым боком, и полуторацентнерной торпедой ударил резака в пах, опрокинув его в навозную жижу.

– Держи... твою мать! – заорал резак, хотя понимал, что удержать такую тушу уже не сможет никто.

Так и ушел бы Васька в лес, да подвела его передняя нога, попавшая в щель между потертыми досками у самого порога. С хрустом сломалась кость, и Васька с размаху стукнулся челюстью о порог, продолжая оглушительно визжать без возможности двинуться дальше.

Резак, матерясь, поднялся, посмотрел на Ваську, потом на Егорку и усмехнулся:

– Вот же, ёшкин кот! Ладно, здесь кончать будем. Придется и вправду горло резать. Навались на него сзади, чтоб не дергался.

Резак достал нож и грубо оседлал Ваську. Оглушительный визг сменился хрипением и бульканьем, которое доносилось теперь уже не из пасти кабана, а из широкого разреза, пересекшего его горло. Васька еще несколько раз конвульсивно дернулся, как будто вздыхая, как ребенок после долгого плача, и затих. Егорка лежал оглушенный, обнимая теплую спину своего друга, и, поглаживая его, машинально приговаривал:

– Ну, потерпи, потерпи, миленький, сейчас все пройдет, все хорошо, все хорошо...

Кто нам придумывает жить?

Какое он имеет право?

Кому так сладостна забава

Людей по судьбам проводить?

Единство смерти и начал,

Добра и зла неразделимость —

Кто этот странный мир нам дал?

Кто мы – основа или примесь?

Какая зыбкая тут явь,

Как неразлучны миражи с ней,

Из стран, из женщин и из жизней —

Не ошибись – одна твоя.

ГЛАВА 3. МАМА

– Я не знаю, сынок, откуда у меня взялась такая тяга к учебе, но учиться я хотела по-сумасшедшему. В школу с кордона было ходить километров пятнадцать – представь, зимой по непроходимому снегу! Мама, твоя бабушка, частенько говорила: «Брось ты ее, эту школу, извелась уже вся! Читать-считать умеешь, что тебе еще надо?» А я не могла остановиться, хотела учиться дальше и дальше. Мечтала стать учителем.

В той школе было только восемь классов. Все мои подружки даже эти восемь не отходили, побросали. А я закончила – да и объявила маме, что поеду в город поступать в педучилище. Она в слезы. Учебники мои сожгла, приговаривая: «Книжки тебя кормить не будут!»

А вышло, видишь, что как раз книжки меня и кормят.

Все-таки добилась, поехала, поступила. Время было голодное – первые послевоенные годы. Желудок у меня болел – до умопомрачения. То, что давали в училищной столовой, я совсем есть не могла. Приеду к маме на выходные товарняком до ближайшей станции, потом по лесу пешком. Пока добреду – ночь. А утром – обратно. Мама и рада бы мне что-то дать, да у самой ничего нет. Одну коровку удалось ей сохранить после войны, но молоко пить мы не могли, потому что был план сдачи масла. У всех, кто имел коров, собирали масло и отправляли на Москву. На это масло уходили все сливки. Нам доставался только перегон. Возьму я два бидончика этого перегона – и пешком через лес обратно к станции. Вот и вся моя еда на неделю.

Сижу над учебниками, а желудок от голода так болит, что строчки перед глазами расплываются. Упрусь животом в край стола что есть силы – вроде чуть легче, учу дальше. Когда были семечки, лузгали их все время, чтобы голод перебить. Семечки нас спасали – знаешь, над ними еще в войну немцы смеялись, называли их «сталинский шоколад». Но для желудка они нехороши – после них он болел еще сильнее.

И все-таки выучилась, получила распределение в маленький поселок, повела свой первый класс. Комнатку мне дали при школе. Приду с занятий – холодно, печка потухла. За углем к котельной ходить приходилось, он мелкий, мокрый, посмерзается глыбами. Но ничего, наколю, печку растоплю, а она старенькая, вся в трещинах – огонь отовсюду видно. И, знаешь, какая я тогда счастливая была! Все повторяла про себя: «Я – учительница!» Гордилась.

– В тот год я и встретила твоего отца. Он только вернулся с войны – их на три года в Берлине задержали. Военный летчик. Тогда все в форме ходили: во-первых, с одеждой туго было, а во-вторых, гордость какая – победители, да и просто привыкли уже за войну. Петлицы у него на форме были, знаешь, такого василькового цвета и чуть-чуть с сиреневинкой. И, помню, меня поразили его глаза – точно того же цвета. Он же постарше, а мне тогдашней казался совсем зрелым мужчиной, даже неудобно – почти девять лет разницы!

Но он был такой уверенный – в себе, в нас, в будущем!

«Ты не переживай, Настя, – говорил он мне, убеждая выйти за него, – я, если головы не хватит, руками могу зарабатывать, я же все умею: и плотничать, и сапожничать, и лодку могу сделать, да что там лодку – дом могу с нуля сам построить, вот увидишь. А здоровье у меня – прадед сто четыре года прожил! Дед вон до сих пор как огурчик».

И правда, ты же знаешь, руки у него золотые. И голова светлая. Горло подвело. Очень уж охочее до выпивки оказалось.

Я до свадьбы никак этого распознать не могла. Мы если где в компании бывали, он всегда говорил: «Водка? Нет-нет-нет! Мне только красненького полстаканчика». Да и то за весь вечер не допьет. Я еще радовалась: надо же какой! Вокруг-то все любили за воротник заложить. В то время к этому как-то мягко относились. Главное, дескать, врага одолели, а это уж – мелочи.

Живы остались, руки-ноги целы, остальное приложится. Да война ведь – она не только ранила и убивала, она еще и спаивала. Знаменитые наркомовские сто граммов – они не на одно поколение след потянут. На фронтах война закончилась, а в семьях началась. Там мы победили, а здесь проиграли.

Я с детства испытывала отвращение к выпивохам, но никогда даже и представить себе могла, какой страшной бедой, каким ужасом может обернуться пьянство, как оно способно овладеть человеком. И мне на примере собственной жизни пришлось убедиться, что от этого порока не спасают ни образованность, ни положение в обществе, ни дружба, ни любовь, ни семья. Всегда помни, сынок, что эта пропасть – рядом, и всегда опасайся сделать туда шаг.

Первый раз отец набрался прямо на нашей свадьбе. Я еще не видела, чтобы люди так напивались – до полного бесчувствия. Вот такая у меня была брачная ночь: гости разошлись по домам, жених спит на лавке, а невеста плачет рядом. Его старший брат, уходя, так и сказал мне:

«Эх, Настя, Настя! Ты что, не знала? Да он же слабенкий по этой части! Ох какой слабенкий. Он и тебя пропьет, и все на свете».

– Но я решила бороться. Убедила его, что надо учиться. Он поступил в финансовый техникум. Я работала и тянула на себе все хозяйство – мы тогда коровку завели, на одну голую зарплату было не прокормиться. Техникум он закончил с отличием. Начал работать в отделении Госбанка и быстро вырос до управляющего. У него был талант – и к финансам, и к управлению людьми. Потом банки стали укрупнять, ему предложили отделение побольше с перспективой перевода в область, и нам пришлось переехать. Мне было жалко бросать обжитое место, свой класс, но все равно я была рада. Главное – оторвать его подальше от дружков-собутыльников.

Я как могла старалась отвлечь его от выпивки, занять чем-то. Подсобрала денег – сэкономила на самом необходимом – и подарила ему фотоаппарат с целой лабораторией. Он колдовал там часами.

– При красной лампе, чтоб не засветить пленку и бумагу, – вспомнил Егор.

– У него получались отличные снимки. Вообще, он обладал удивительным умением хорошо сделать то, чего никогда раньше не делал и чему нигде не учился. По военной привычке он все еще ходил на работу в галифе и сапогах. И вот выяснилось, что местные портные шить галифе не умеют. Тогда он принес домой сукно-диагональ, распорол старые галифе, сделал по ним выкройку, а я на машинке застрочила. Получились не хуже фабричных!

Люди вокруг считали, что мы – идеальная семья. И только я знала, что семья эта летит в пропасть. Потому что он пил все больше и больше. Все, конечно, судачили о том, что он выпивает, но говорили – а кто не пьет?

Я тогда корила себя. У нас ведь долгое время не было детей. Наверное, сказалось мое голодное детство. Я знала, как он хотел сына, и оправдывала его пьянство – думала, что он терзается и глушит боль.

А потом родился ты. Наверное, все матери дочерей кинулись бы сейчас со мной спорить, но, знаешь, для женщины – произвести на свет мужчину, мне кажется, это особая гордость. Не просто свое подобие, а нечто совершенно иное.

Ты дался мне нелегко. У меня стали тромбы в ногах образовываться. Врач сказал: «Вы должны лежать. Встанете – умрете».

Но куда деваться? Тебя же пеленать надо. Бинтовала ноги и вставала.

Впрочем, самое тяжелое было в другом. Отец в эти трудные для меня дни не пришел к больнице ни разу. Нянечки с удовольствием рассказывали мне, как он кутил по всему нашему городку – праздновал рождение сына. А на сына-то даже и не взглянул. Этого я ему простить уже не могла.

Когда он наконец заявился меня забирать, опухший и все еще нетрезвый, я спросила: «Слушай, ну, говорят, люди пьют от горя, но у тебя-то какое горе? У тебя же все есть! Теперь даже сын, о котором ты мечтал! Ты-то отчего пьешь?» А он улыбается глупой пьяной улыбкой и отвечает: «От радости». Его водка как будто подменяла.

Мама немного помолчала, воспоминания печалили ее глаза.

– Я так мечтала встретить в жизни большую любовь. Чтобы отдать себя всю без остатка, но и взамен получить полную открытость и честность. И мне казалось, что я встретила именно такого мужчину. И, знаешь, я даже не могу сказать, что ошиблась. Твой отец действительно умный и достойный человек. Когда трезвый. А пьяный он превращается в какого-то чужого дурачка. Хвастливого, безответственного, жуликоватого, агрессивного. В зависимости от стадии. И видеть каждый раз эту метаморфозу невыносимо. Два совершенно разных человека в одном теле. И насколько я любила одного, настолько же ненавидела другого. Мне верилось, что рождение сына все изменит, излечит его, а вышло наоборот. Но больше всего я боюсь, чтобы ты не последовал его примеру...

– Ну ты что, мам!

– Да я надеюсь, что ты насмотрелся и что у тебя хватит воли и разума не пойти по этой дороге. Но, знаешь, это гораздо труднее, чем тебе кажется сегодня. Сколько сыновей осуждали отцов за пьянство, а потом становились их собутыльниками! Я поэтому и старалась, когда в институте училась, тебя к бабушке в лес отправлять, не оставлять с отцом. Чтоб ты не привыкал к обстановке разгула – он же вечно всех дружков своих домой тащил.

Так что запомни: даже если меня не будет рядом, как бы ни сложилась твоя жизнь, не подведи меня, обещаешь? Иначе я просто зря жила на свете. Ну, ладно. Заговорились мы с тобой, а мне еще собраться надо. И голову помыть. И искупаться. Завтра автобус рано утром.

Мама пошла на кухню. Там на табуретке стоял приготовленный таз. Сдвинув гревшееся на печке ведро, она подцепила кочергой чугунные кольца и закрыла конфорку. Вылив полведра в таз, добавила холодной воды, пробуя температуру ладонью, и, наклонившись над тазом, стала намыливать свои красивые каштановые волосы туалетным мылом «Красная Москва». А потом, споласкивая их, добавила в ковшик ложку уксуса для смягчения воды.

Этот разговор в воскресный вечер 1969 года Егор запомнил так ясно, что даже через много лет виделся ему свет той лампы без абажура, что свисала на витом проводе с деревянного потолка, крашенного белой краской. И глаза мамы, смотревшей на него с такой печальной любовью, что он – был бы младше – точно расплакался бы, но, чувствуя себя уже взрослым, просто молчал, притихший и потерянный.

Мама собиралась утром ехать в областной центр, в больницу на обследование – боли в желудке стали просто невыносимыми. Отца еще не было – где-то пьянствовал. Его уже понизили в должности и грозились уволить, но на него ничего не действовало. Он пил каждый день, считая кого угодно виноватым в своих бедах, но только не себя и не свой порок.

– Что? Выпивка? Да я захочу – в любой момент брошу!

– Ну так брось!

– А зачем?

В этот вечер он вернулся за полночь, громыхнул чем-то в коридоре, зажег в зале яркий свет и на полную громкость включил радиолу. Когда мама и сонно шурящийся Егор осторожно вышли из спальни, отец уже спал на диване, не сняв сапог и громко храпя.

Через неделю Егора окликнула на улице знакомая женщина:

– Я племянницу ездила проведать, видела твою маму. Ее на операцию кладут. Просила, чтоб отец тебя привез. Передай ему, хорошо?

– Хорошо, тетя Клава, я передам.

Вечером Егор сделал все уроки, поужинал тем, что нашел, и сел ждать отца. Тихонько тикали часы, горела настольная лампа. И неожиданно как-то сами собой, даже не в голове, а где-то в груди Егора стали складываться стихи, просясь наружу вместе с дыханием и трогая шепотом губы.

Егор достал из портфеля, уже собранного к школе, авторучку, раскрутил колпачок, почистил перышко и на бумаге в клетку стал строчку за строчкой записывать ровные колонки строф, кое-где перечеркивая слова и аккуратно надписывая новые.

Он и раньше любил составлять рифмованные строчки. Мама, когда они бывали в лесу, иногда говорила:

– Посмотри, какими искорками горят росинки на полыни! Ты видишь, в лесу даже после дождя не бывает грязи. И ветер – он там, в верхушках шумит, а тут – тихо, только блики на траве колышутся. Смотри, какой причудливый ствол у того старого карагача на косогоре. Что он тебе напоминает? Правда, как будто из земли торчит узловатая рука? Вроде это даже не холм, а сказочный великан заснул, а одна рука выбилась из-под пушистого зеленого одеяла, которым он укрылся. Опиши это стихами, попробуй. Я вот очень хотела бы, но у меня не получается, как-то дальше первой строчки – не идет, а у тебя должно получиться, я чувствую.

Вера родителей в успех ребенка – самый надежный фундамент его достижений.

Иногда мама просто подбрасывала сыну одну-две строчки, например:

Редеют кроны,
Желтеют листья...

И восьмилетний Егор тут же подхватывал:

Был лес зеленый —
Стал золотистый!

Это было – как игра.

Егор проснулся утром. В доме он был один. Отец не возвращался. Настольная лампа все еще горела, на столе лежал листок со стихами – Егор сам не заметил, как заснул одетым на нерасстеленной кровати. Пора было идти в школу. Но Егор почувствовал такую острую тоску по матери, что решил непременно увидеть ее сегодня. Он выгреб и пересчитал всю мелочь, которую копил в старой шкатулке. На билет до областного центра не хватало. Егор поискал по карманам плащей и пальто в шкафу. Нашлось еще несколько монеток. Собрав всю мелочь в карман, он отправился на автовокзал.

Войдя без билета в большой старый автобус, он прошел в самый хвост и сел на задний ряд к окошку. В будний день пассажиров было немного. Когда водитель, взойдя на подножку, пересчитывал всех по головам, Егор пригнулся, прячась за спинкой предыдущего сиденья. Автобус тронулся.

Больницу он нашел, расспросив прохожих о маршруте. Дежурная в приемном покое поворчала на него за то, что он не знает номера палаты, но потом нашла в книге нужную запись:

– Жди вот там, на стульчике, сейчас позовут.

Мама вышла в стареньком застиранном больничном халатике. Егор бросился к ней, и она обняла его, целуя и глядя ему макушку.

– Сыночек, родной мой, вы все-таки приехали. А я уже отпрашивалась сегодня, чтоб к вам ехать – вижу, вас нет. А где отец?

– Мам, я сам приехал.

– Как сам? Один? И он тебя отпустил?

Мама посмотрела на Егора испуганными глазами.

– Мам, ты не переживай, я уже взрослый. Видишь, я сам тебя нашел.

– Родной ты мой, взрослый. Не надо – люди ведь разные встречаются.

Они сели на потертые стулья, обитые коричневым дерматином.

– Да ладно, мам, все хорошо. Ты-то тут как?

– Да как, сынок. Смотрел меня профессор, говорит, надо срочно оперироваться. Тянуть нельзя – уже почти полный стеноз, то есть непроходимость желудка. А отчего – никто не знает. Подозревают опухоль, но точно увидят, только когда разрежут. Такая, видать, моя доля. Кому жизнь – радость, а у меня – долг. Я не ропщу. Просто как же ты-то будешь, если со мной вдруг что? Нельзя мне сейчас уходить!

Мама посмотрела на Егора, как смотрит, наверное, раненая птица на своего птенца, которого она не может больше защитить от клыков и когтей. Она не сдержалась и заплакала, прикрыв лицо руками. Егора поразило, какого они желтого, неживого цвета.

– Извини, сынок, это я так, – мама постаралась овладеть собой и улыбнулась, утирая слезы. – Ничего, бог даст, все будет хорошо. У тебя как дела? Что ты сегодня кушал?

– Я не голодный, мам, спасибо.

– Где ты взял деньги, чтобы доехать?

Обратный автобус шел уже в темноте. Егор сидел у окна, вглядываясь в бесконечную тьму и высматривая далекие одиночные огоньки. Весь мир был чужим, неприютным и тоскливым. Егор сунул руку в кулек, который ему дала мама «на дорожку», и достал кусочек печенья. Оно пахло больницей.

Операция прошла успешно. Самого страшного, чего опасались – злокачественной опухоли – не было. Стеноз возник из-за наслоения рубцов от многолетней язвы. Сделав резекцию, профессор еще раз осмотрел операционное поле и кивнул:

– Шейте. Все нормально. Еще поживет.

Он был хирургом от бога и, хотя операция этим методом очень травматична, сделал все ювелирно, щадяще. Получилось красиво, аккуратно, и профессор покидал операционную удовлетворенным.

А вот медсестра Валя в это время, напротив, готова была себя убить. Новые капроновые чулки со швом – и дырка на второй день. Только вчера она почти час крутилась и пританцовывала перед зеркалом, зацепив пальцами и приподняв подол юбки – любовалась модным оттенком, который придавали чулки ее стройным ногам. Тем более на Новый год она грохнула чуть ли не ползарплаты, но сделала себе подарок: купила гэдээровский кружевной пояс! Это вам не советское сатиновое убожество, лежавшее на прилавках. У спекулянтов взяла, восемь рублей сверху! Вообще, такие чулки, со швом, они же не на каждые ноги сядут. Вон Любка с ее кавалеристскими гачами как наденет – святых выноси! Еще и перекрутятся они у нее обязательно. А у французов, между прочим, как говорили Вале знающие люди, есть пословица: лучше две морщинки на лице, чем одна на чулке! Это Валя запомнила на всю жизнь! И она особенно глубоко, всей душой чувствовала себя женщиной, когда шикарные чулки как влитые красиво облегли ее ноги. И вот – на тебе. Зацепилась за старый стул, когда переодевалась к смене. Зачем она вообще их сегодня надела – Леша ведь не дежурит. Но под белым халатиком они смотрелись так отпадно, не удержалась. И теперь вот ходи в зашитых. Когда еще удастся купить новые! Один вопрос – деньги, на ее зарплату не разбежишься. А второй – где такие достанешь? Шла – случайно выбросили в конце месяца. Рижская сеточка!

– Ладно. Надо работать, – взяла себя в руки Валя. – Так. Кто там у нас сегодня после операции...

Отделения реанимации, именуемые тогда «противошоковыми кабинетами», где каждому больному обеспечивается индивидуальный присмотр, пока что существовали только в несколь-

ких крупных медицинских центрах страны, а на периферии больных с операции сразу везли в общие палаты.

– Так, в шестой мужчина, пятьдесят два года, удаление желчного пузыря... В восьмой – женщина, сорок лет, резекция желудка...

Что-то дежурный врач говорил сделать по поводу этого дядьки из шестой, но Валя была так расстроена проклятой дыркой, что даже не расслышала. Ладно, пусть пока лежит. Не забыть потом переспросить. А сейчас надо поставить капельницу тетке. Валя еще раз посмотрела лист назначений, взяла зажим, достала из стерилизатора рыжие резиновые трубки и стала подсоединять к ним стеклянные детали капельницы. Наконец система была готова, и, принеся ее в палату, Валя четко, с первого раза ввела иглу в вену пациентки. Молодая медсестра всегда гордилась своим умением безошибочно попадать в сосуд. На самом деле это даже от опыта не всегда зависит – бывает, со стажем медсестра, а по несколько раз перекальвает, и все то мимо, то насквозь. А бывает, пигалица приходит – и в такие ниточки попадает, что их и венами-то можно назвать только из вежливости.

Металлическое колесико на старой капельнице прокручивалось в резьбе и плоховато зажимало трубку. Вале пришлось помучиться, пока она установила нужную скорость введения. Но вот вроде ничего, держится. Валя потрогала пальцами кожу руки вокруг иглы – не поддувает ли? – и мельком взглянула на пациентку:

– Господи, трупяк трупяком. Вообще, после сорока, по-моему, лучше уже и не жить – кто на тебя посмотрит?! Ладно, надо будет не забыть зайти, проверить скорость капельницы.

Ее позвали из четвертой палаты – пожилой пациентке стало плохо с сердцем. Пришлось вколоть камфару. Дежурство пошло по накатанной. В голове опять крутилась эта чертова дырка. Если аккуратно зашить... нет, ничего не выйдет – место видное. Бесполезно. Если бы просто петля поползла или затяжка – она бы ювелирно сделала, но это же рижская сеточка! Она вообще не ползет! Ее порвать – еще умудриться надо! А тут, как назло, прямо с мясом вырвало. Вот такая дырища! Как ни стягивай, все равно позорище будет.

Свернутое колесико старенькой многоцветной капельницы слегка шевельнулось, и маленькие капельки, мерно падавшие в стеклянной трубочке, зачастили, постепенно сливаясь в тоненькую струйку.

Валя помнила точно, сколько какие чулки она проносила. Рекорд был – почти год! А тут – в первый же день.

– Обидно, просто обидно! – не могла успокоиться она.

– Что? – переспросил пациент.

– Нет-нет, ничего... – улыбнулась Валя. Она поняла, что бормочет свои мысли вслух. – Все в порядке. Извините...

И тут же нахмурилась: «Ой, совсем забыла – капельницу у тетки надо проверить!»

Мама умерла от острой левожелудочковой недостаточности, а можно сказать – оттого, что многоцветная капельница была старой и негодной, а еще можно сказать – оттого, что медсестра Валя порвала чулок.

Похороны пришлись на дождливый день, но в последний момент выглянуло солнышко. В такие моменты люди склонны видеть в погоде какое-то сопереживание. Хороним в дождь – значит, природа плачет вместе с нами. Хороним в погожий день – значит, светлого человека провожаем. Есть в этом что-то лживо-надуманное как в индийском кино, где стоит героям поссориться – тут же обрушивается ливень, а едва они помирятся – сияет солнышко.

Егор ехал в кузове грузовика, везущего гроб, вместе с плачущей родней. Он не плакал. Не было ни слез, ни мыслей, только одна фраза по кругу повторялась в голове: «Вот и все. Мамы больше нет».

На кладбище он наклонился к гробу в последний раз поцеловать маму, и его ладони легли на ее скрещенные под саваном руки. Это неожиданное соприкосновение вдруг вывело Егора из полусонного ступора. Трудно объяснить, но у него возникло ощущение, что в эту минуту они с мамой заключили молчаливый, только им ведомый договор. Он почувствовал, что мама здесь, с ним. И она останется с ним, но только об этом никто не должен знать.

Когда гроб опустили в узкую темную щель могилы, отец, трезвый и хмурый, бросил туда горсть земли и, отходя в сторону, увлек за собой Егора:

– Все, сынок, нет больше нашей мамочки.

Егор теперь знал, что это не так. Он вывернулся из-под руки отца и исподлобья посмотрел ему в глаза. Тот, пряча взгляд, полез в карман за носовым платком.

На поминках люди садились за длинные, сдвинутые из нескольких столы, пили водку из разнокалиберных, собранных по соседям стопок (первую – скорбно, а третью – уже смачно) и с аппетитом ели. Отец не удержался, перебрал, его стало развозить, и хмурая скорбь превратилась в пьяные сопли. Шум за столами нарастал, и скоро только черные платки да отсутствие гармошки отличали это застолье от любого другого.

Егор незаметно ускользнул в сад, в самый дальний угол. Он присел на корточки, спрятавшись от чужих взглядов, и только здесь из его глаз неудержимо брызнули слезы.

То одно, то другое воспоминание вспыхивало в его памяти, обдавая волной тепла и тоски.

Вот он в январе, загулявшись до глубокой темноты, вбегает с мороза в ярко освещенную кухню, а там мама делает вареники. Она шумовкой вынимает их из кипящей воды, и они исходят ароматным паром – маленькие, аккуратные.

– Мама, а почему ты делаешь их такими маленькими?

– Это только у ленивых хозяек они здоровенные, как лопухи. А маленькие вареники лучше провариваются, не разваливаются и поэтому вкуснее.

А вот они в июле выбрались искупаться на речку. Он бежит из воды, цокотя зубами – перекупался, и мама подхватывает его, закутывает в пушистое китайское полотенце с этикеткой «Дружба», обнимает. Рядом на траве на чистой скатерочке уже разложены крупные красные помидоры и в обмотанной тряпицей кастрюльке – горячий молодой картофель в сливочном масле с укропом.

Неужели мы действительно проживаем короткую земную жизнь, чтобы потом обрести другую – вечную? Не будет ли та вечная жизнь бесконечной тоской по этой скоротечной, жестокой, бесценной земной жизни?

Мой чудный лес, мой лекарь и судья,
Познав азарт и пыль дороги дальней,
Вернулся я в твою исповедальню
Поговорить о сути бытия.

Как мало нам отпущено на жизнь
Желанных встреч, находок безобманных,
И лишь надежд, несбыточных и странных,
Так много нам отпущено на жизнь.

И полосу сменяет полоса,
И дни уходят, и видней потери.
И все труднее верить в чудеса.
И все сильнее хочется в них верить.

ГЛАВА 4. СТИХИ

Глеб Родионович Пшеничный родился еще в девятнадцатом веке. В том самом, до которого всего четыре года не дожила Екатерина Великая и который начался с присоединения Грузии к России царем Павлом Первым, прожившим в этом веке чуть больше двух месяцев.

А закончился век строительством Транссибирской железной дороги, пересекающей вдоль всю огромную империю, третью по величине за историю человечества – после Британской и Монгольской.

– Я, конечно, того столетия почти не застал, – рассказывал Глеб Родионович, – семь лет всего захватил. Хотя кое-что помню. А вообще-то, в целом тот век получился такой, знаешь, романтичный и самонадеянный. Мне кажется, его дух лучше всего передали удивительные фантазии Жюль Верна и Герберта Уэллса. В девятнадцатом веке человечество уже почувствовало мощь современной техники, но еще не знало порожденных ею катастроф. Не было пока ни крушения «Титаника», ни пожара на дирижабле «Гинденбург»...

Будь это лет на двадцать позже, Глеб Родионович, несомненно, добавил бы: «ни Чернобыльской трагедии». Но к моменту этого разговора роковую АЭС еще даже не начали строить.

А разговор продолжался уже довольно долго. Спешить обоим собеседникам было некуда. Егор слушал, стараясь удержаться от вопросов, чтобы не перебивать рассказчика. Этого человека, жившего по соседству, он уважал до обожания и привязался к нему, как может привязаться только ребенок, недоласканный в собственной семье.

Говорил Глеб Родионович правильным книжным языком, не заумно, но без всяких скидок на возраст собеседника. При этом слух Егора улавливал особенности речи, которые казались странными и забавляли. Например, вместо «дверь» у Глеба Родионовича получалось «дъверь», вместо «булочная» – «булошная». Вокруг никто так не говорил.

– В науке к концу того века, – продолжал он, – сложилось мнение, что все главные законы открыты, картина мира ясна и осталось лишь уточнить некоторые детали. Ни ядерная физика, ни теория относительности еще не смущали умы своим противоречием бытовому опыту. На карте мира практически не осталось белых пятен, но она не пестрела красками: все пространства были поделены между несколькими империями. Вот возьми-ка атлас, вон тот, темно-серый.

Егор снял с полки увесистый фолиант, кожаный корешок которого украшали тисненые золотые узоры и надпись: «Географический Атлас».

– Вот, смотри, – сказал Глеб Родионович, раскрывая книгу.

Внутри Егор увидел пустые желтоватые страницы – пустые, без всякого текста. Но когда хозяин стал их аккуратно разворачивать, оказалось, что это сложенные карты.

– Видишь, даже в Европе: Российская империя раскинулась на пол-Скандинавии, до самой Швеции с Норвегией.

Глеб Родионович придерживал сгиб карты длинными прямыми пальцами. Руки его, несмотря на натруженность, сохраняли особый аристократизм формы.

– Южнее мы граничили напрямую с Германской империей и Австро-Венгрией, а совсем на юге – с огромной Турецкой империей, которая покрывала Южную Европу, Ближний Восток и Северную Африку. Если идти дальше в Африку и Азию – там сплошь колонии европейских метрополий. Европа тогда безраздельно господствовала в мире. Никто и подумать не мог, что она постепенно станет отходить на второй план.

От сипловатого завораживающего голоса собеседника по коже у Егора бежали приятные мурашки, и хотелось слушать и слушать. Глеб Родионович помолчал, потом добавил:

– И не было еще даже понятия такого: мировая война.

Мальчишка с любопытством разглядывал затейливо разрисованные карты и, конечно, не предполагал, что через много лет именно картография станет его главной профессией. Только не сухопутная, а морская.

– В девятнадцатом столетии, – продолжил рассказчик, – ушли наконец в прошлое средневековые варварство и мракобесие. В первой половине века были упразднены португальская и испанская инквизиции, а во второй половине – практически одновременно – отменены рабство в США и крепостничество в России. При этом человечество в основном оставалось неграмотным и проживало в сельской местности. Города были немногочисленными. Жизнь большинства людей с рождения и до смерти определялась вековым укладом и традициями. Это было последнее столетие, когда внуки жили так же, как деды.

Для Егора, родившегося в год запуска первого спутника, общаться с человеком, который застал еще царя, было завораживающе интересно.

– А как это вообще – жить не при социализме? Ведь гнет же был, эксплуатация! А где вы все покупали? У буржуев? Государственных магазинов ведь не было? А сколько что стоило? – мальчишка все-таки не удержался и завалил Глеба Родионовича вопросами.

Тот по-доброму посмотрел на своего слушателя и пустился в воспоминания:

– Я, когда учился в гимназии (слово-то какое допотопное: «гимназия»! – отметил Егор), то подрабатывал пением в церковном хоре. Получал за это пятак.

– Всего пять копеек?

– Да. Но это были не такие уж и маленькие деньги. Копейка была не та, что ныне. За рубль можно было купить воз рыбы.

– Воз?

– Да, при продаже рыбы была и такая «расфасовка» – возами. На Дону шум косяков был слышен за километры, а в пору нереста вдоль реки выставлялись казачьи разезды – следили, чтоб никто рыбу не пугал. Белуг вылавливали – по тонне и больше. Икры с каждой – по пяти-шести пудов! Бывало, во время ледохода прибьет льдиной к берегу косяк стерляди, так руками можно пару мешков нахватать! А еще была такая рыба – чехонь, что-то в последнее время и не видать ее. Кривая, как турецкая сабля. Ловили ее по осени, когда она жир нагуляет, сушили и потом всю зиму печку ею топили – дешевле дров выходило.

– Печку – рыбой? Классно! А что вы покупали на тот пятак, который в церкви зарабатывали?

– Погоди. Чтoб его получить, надо было сперва у батюшки исповедаться. А он был мужчиной крупным, по сравнению с нами – и вовсе великан. Усядется, бывало, огромный такой, ряса – черная, борода – тоже черная, с проседью, глаза – смоляные, щеки – как яблоки, крест на груди массивный, серебром посверкивает – а мы боимся подходить. Вот он нас по очереди подзывает, сверлит тяжелым взглядом и таким зычным басом вопрошает: «А не грешен ли ты, сын мой, в деяниях и помыслах своих?» И ты стоишь – ни жив ни мертв от страха – и только киваешь, моргаешь да повторяешь торопливо: «Грешен, батюшка... Грешен, батюшка...» А он, как я уже позже понял, для смеху: «А не грешен ли ты, сын мой, в воровстве, разбое, убийстве, прелюбодеянии?» И ты: «Грешен, батюшка...»

Глеб Родионович не выдержал и засмеялся своим воспоминаниям, покачивая головой, будто до сих пор все еще удивлялся проказливости того батюшки.

– Да... И вот только тогда он сжаливался: «Ну, ступай себе с Богом! Вот, держи свой пятак». А к нам прямо во двор гимназии к большой перемене приходил полный, румяный, рыжеватый мужик в фартуке. Он ставил деревянный стол, на него – сверкающий самовар и фарфоровые чашки с блюдцами. Чашка чаю – полкопейки. И булочка – она почему-то называлась «жулик» – тоже полкопейки. А сахар – колотый, камушками, бери к чаю – сколько хочешь. Вот куда все наши денежки и уходили, – Глеб Родионович помолчал и добавил уже более серьезно: – Методика обучения в гимназии была другой, не та, что в нынешних шко-

лах. Вам сейчас стараются как можно больше всего объяснить, разжевать, чтобы даже самые отстающие поняли. А нас заставляли как можно больше просто выучить наизусть. На первый взгляд, вроде глупость. зубришь, как попка, ничего не понимая. Но память-то в детстве хорошая. Залипает все на раз! И потом, когда уже начинаешь вникать, кумекать, что к чему, у тебя к этому времени в памяти целый багаж! Хочешь – цитируй, хочешь – осмысливай. Но это все – оно уже с тобой, в тебе! И древнегреческие поэмы, и сочинения римских историков. А главное – языки. Вот ты сейчас какой учишь? Немецкий?

– Да, – кивнул Егор.

– Всего один. И что ты можешь на нем сказать? Дорогу путнику объяснишь? С дамой познакомишься?

Егор только вздохнул в ответ.

– Вот. А мы учили сразу три. И учили так, чтобы можно было общаться.

Глеб Родионович, видимо, и сам в молодости имел волосы как у того батюшки – цветом в вороново крыло. Вьющиеся, несмотря на короткую стрижку, они и поныне сохранили завидную густоту. Седина не выбелила их до конца, а придала оттенок патинированной стали, и лишь на ярком солнце они вспыхивали чистым серебром.

Долгие годы Глеб Родионович работал геологом и объехал все просторы нашей страны, пока она меняла свои очертания, названия и правительства. Жена делила с ним непростую походную жизнь. Рожденные и выросшие в экспедициях дети тоже стали геологами и так же колесили по стране, изредка пересекаясь маршрутами с родителями. Уехал в поле Глеб Родионович молодым инженером Геологической части Кабинета Его Императорского Величества, а вернулся советским пенсионером в год Съезда строителей коммунизма и полета в космос Юрия Гагарина. Год-перевертыш – 1961.

Полезные ископаемые у нас интересовали любую власть, так что без куска хлеба Глеб Родионович не оставался никогда, а в полевых условиях многого и не требовалось. Искал он и руду, и самоцветы, и уран, и нефть, и золото. Одно время даже подался было в старатели на золотые прииски – до сих пор колени болели после студеных речушек Колымского края. Но, как Глеб Родионович доверительно сообщал Егору, ведомы ему места, где можно и сегодня неплохо намыть золотишка, причем не только в далекой Сибири, но и поближе, тут, на Кавказе.

– Будь побольше здоровья – непременно поехал бы, – говаривал геолог.

Был он большим любителем чая, видимо, еще с тех, гимназических времен.

– Лизонька, а завари-ка нам с молодым человеком чайку с мятой и чабрецом, – обращался к супруге Глеб Родионович, и они с Егором могли не по одному часу беседовать обо всем на свете, воздавая должное ароматному напитку и плюшкам с маком.

По праздникам к десерту обязательно добавлялись пьяные вишни, моченый терн и пирог с начинкой из тыквы с вкраплениями того же терна. Почему-то эти старинные блюда совсем не встречались Егору в его дальнейшей жизни.

Сахар к чаю употреблялся только вприкуску – твердые камушки, которые специальными щипцами кололи на маленькие кусочки, медленно тающие во рту. В магазинах такой сахар был редкостью, но Глебу Родионовичу присылали друзья из Москвы. Давней привычке, приобретенной в гимназическом дворе, он не изменял никогда – вкусы и запахи, полюбившиеся в детстве, на всю жизнь остаются самыми желанными.

Французские парфюмеры не так давно попытались найти универсальный запах, который нравился бы всем, чтобы на этой основе сделать идеальные духи. Ученые провели масштабные исследования обонятельных предпочтений людей самых разных групп и выяснили, что такого идеального запаха не существует. Те, кто провел детство на природе, выбрали ароматы с нотками трав, листы, цветов, но те, кто вырос на асфальте, предпочли синтетические запахи, а природные оставили их равнодушными – им не с чем было ассоциировать эти ароматы.

Иногда Глеб Родионович играл на виолончели. Егора удивляло, какие сильные, низкие и надрывные звуки исторгает этот инструмент из своего деревянного лакированного чрева. Лет через десять, пробуя себя в амплу композитора, он узнает, что так же, как в рок-группе основу звучания задает пара: ударные и бас-гитара (и стоит им разойтись между собой – сразу рухнет вся композиция), так и в классическом оркестре именно виолончели вкупе с контрабасами ткут основную материю звука. А всякие прочие там скрипки и флейты лишь вышивают узоры на этой ткани.

Однако пока что Егор был совсем неискушен в музыке и с интересом вслушивался в печально-тревожные мелодии, скользя взглядом по корешкам книг обширной библиотеки Глеба Родионовича.

К чтению мальчишка пристрастился в третьем классе. До этого как-то не шло. Мама даже переживала, что сына не тянет к книгам. А потом вдруг как прорвало. Особенно фантастика, про экспедиции в древние пески Марса и непроходимые влажные джунгли Венеры. Он быстро перечитал все, что было интересного в школьной библиотеке, и попробовал записаться в районную. Но там отказали:

– Мал еще, приходи классе в шестом.

Поджав губы, Егор вышел в коридор и тут не удержался, расплакался.

– Что случилось? – из своего кабинета выглянула директор библиотеки.

– Не записывают... – с трудом, сквозь всхлипы, выдавил Егор.

Директор улыбнулась:

– Не раз видела, как плачут дети, которых родители заставляют записываться в библиотеку, но впервые вижу, чтобы плакали оттого, что не записали. Девчонки, господи, да сделайте вы исключение!

У Глеба Родионовича была богатая коллекция книг. Где уж он ее хранил, пока странствовал – бог весть, но тут встречались удивительные издания. Некоторые даже рукописные. Или вот, например, первая «Большая советская энциклопедия». Она выпускалась с 1926 года специально созданным акционерным обществом, которое потом преобразовали в государственное издательство. Поначалу разогнались – решили переплюнуть царскую энциклопедию Брокгауза и Ефрона, а заодно и знаменитую «Британнику». На одну только букву «А» ушло четыре тома. Процесс растянулся на многие годы, а страна стремительно менялась. Большинство авторов были объявлены оппортунистами и посажены, а то и расстреляны. В итоге энциклопедию скомкали, ужали до шестидесяти пяти томов и, едва закончив ее выпуск в 1947 году, сразу взяли за второе издание.

В первой энциклопедии оказалась куча неувязок: в начальных томах встречались ссылки на статьи, которых не было в последующих. Зато в поздних томах Егор нашел вкладыши, которые следовало клеить в ранее вышедшие тома – на место статей, рекомендованных к удалению. Даже давались инструкции, как аккуратно подрезать «неправильные» листы. Глеб Родионович этим инструкциям почему-то не последовал и оставил книги нетронутыми.

В пятнадцатом томе, выпущенном в 1929 году, Егор прочел, что «пресловутые гороховые законы монаха Менделя» были наголову опровергнуты трудами советских ученых Мичурина и Тимирязева. А из сорок седьмого тома, изданного в 1940-м, узнал, что – да, было некогда такое государство – Польша, но погрязло в великопанском шовинизме, затеяло агрессию и, будучи прогнанным насквозь, молниеносно пало под совместными ударами доблестного советского и германского оружия.

– Глеб Родионович! Вот вы родились еще в том веке, а живете уже в этом. А в каком веке вообще вы хотели бы жить?

– Ты, знаешь, Егор, в Китае пожелание «чтоб ты жил в эпоху перемен» считается проклятием. Но я полагаю: мне повезло. Моя жизнь пришлась на интересные времена, и вряд ли бы я захотел поменять их на какие-то другие. Любопытно было бы, конечно, посмотреть: что там будет дальше, – но это, наверное, просто желание пожить подольше, присущее нам всем. Старикам – особенно.

– А мне вот хотелось бы жить в далеком будущем! Когда будут звездолеты, роботы всякие, путешествия на разные планеты.

Глеб Родионович улыбнулся:

– Каждый век по-своему интересен. И каждый не похож на другие. Вот про девятнадцатый мы с тобой уже не раз говорили, а возьми восемнадцатый. Он совсем иной! В девятнадцатом веке народ туда-сюда по Российской империи уже всюю сновал. Какие-никакие, а дороги все-таки появились: верстовые столбы, почтовые станции, где можно было сменить лошадей. Поезда по рельсам пошли, а это уже совсем другая жизнь. В восемнадцатом столетии всего этого и в помине не было!

Мы сегодня говорим: планета сжалась. И это правда. Гагарин облетел «шарик» за сто восемь минут! Мы можем позвонить в любой город мира, посмотреть по телевизору репортаж с края света. Можно позавтракать в Хабаровске и обедать уже в Москве! Но ведь работает и обратный отсчет: два века назад планета была неизмеримо больше нынешней! Чем труднее пути сообщения, тем длиннее ощущаются расстояния! Даже Римская империя с ее средиземноморской навигацией, мощными дорогами и благодатным климатом в этом смысле в подметки не годилась России восемнадцатого века с ее снегами, бездорожьем и распутицей.

Самая свежая новость из Петербурга достигала Москвы будучи уже недельной давности. Что говорить о других городах! Назначенные чиновники добирались до места службы месяцами, а то и годами! Совсем другой масштаб времени! В период дворцовой чехарды после смерти Петра даже не самые дальние губернии неделями управлялись указами уже смещенных или мертвых царей! Когда в девятнадцатом веке капитан Невельской впервые привез на Камчатку грузы морским путем вокруг Южной Америки и через весь Тихий океан с заходом на Гавайские острова, это была неслыханная скорость: всего восемь месяцев! Раньше-то через Сибирь два года везли!

А если забраться еще глубже, в семнадцатый век, в шестнадцатый?

– Ну, тогда вообще, наверное, народ всю свою жизнь по домам сидел!

– Если бы все по домам сидели, откуда бы империя взялась? Нет. Предки наши, несмотря ни на что, были духом неугомонны! Мы как-то привыкли считать, что Россия до Петра была дикой и изолированной от мира. И вроде бы только он, когда прорубил «окно в Европу», одним махом сделал нас империей.

– Ну да! Вы же сами давали мне книгу про Петра!

– Но скажи: а почему Иван Грозный не прорубил окно в Европу?

– Не знаю... Наверное, не был таким передовым.

– Не в том дело. Рубить просто нечего было: Прибалтика в те времена и так была наша, мы потеряли эти земли позже.

– Да?

– Да. И вообще, я советую, покопайся в истории родного отечества, не ограничивай себя школьным курсом. Это ведь очень интересно – проследить: как так получилось, что мы стали самой крупной в мире державой? Как можно было создать такую империю и управлять ею, когда не было ни телефонов, ни поездов, ни самолетов? Вот ты только представь... – Глеб Родионович слегка прищурился, будто глядя в необозримую даль. – Сибирь. Нехоженная, неизвестная, страшная... Буреломы, заросли, обрывы, утесы, а за ними, там, где-то, великие реки, а за ними – горные хребты... И опять, и опять... Тысячи верст, тысячи дней пути, тысячи и тысячи неведомых врагов... И так до тех диковинных краев, где, по слухам, живут люди

с песьими головами и где земля обрывается пропастью прямо в геенну огненную. И никаких дорог. Идти можно только звериными тропами. Ты видел когда-нибудь звериную тропу?

– Видел, – серьезно ответил Егор, припомнив кордон и ходы, ведущие из леса к кринице, продранные кабанями в густом подлеске. В эти ходы, испещренные понизу раздвоенными отпечатками, можно было заглядывать, как в трубы.

– Ну да, ты же у нас человек лесной! – рассмеялся Глеб Родионович. – Только наши леса сибирским не чета! Но прошли ведь люди весь этот простор! До самого океана! Об этом как-то мало написано, или мне не повезло найти. А должны быть великолепные книги и захватывающие фильмы! Колумба знает весь мир! А наших первопроходцев не помнят даже те, кто живет на разведанных ими землях, в основанных ими городах! Колумб плыл от Канар до Америки по теплому океану всего-то чуть больше месяца! А сколько до той же Америки шли наши первооткрыватели? Вообще, как все это случилось? Как из маленьких княжеств, неспособных противостоять дикой, но организованной Орде, за столетия выросла огромная страна? Как духовный посыл Сергия Радонежского и Андрея Рублева реализовался сперва в победе князя Дмитрия над абсолютно непобедимыми монголами, а потом – в движении Ивана Грозного на Казань и дальше – в походе Ермака в Сибирь. И потом вплоть до плавания Семена Дежнева через Берингов пролив – кстати, на восемьдесят лет раньше самого Беринга, в честь которого этот пролив назван. Очень интересна фигура отца Петра Первого – царя Алексея Михайловича. Прозвище его знаешь?

– Нет.

– Тишайший. Именно при нем мы достигли наибольших успехов в присоединении Сибири, он даже в Китай первое посольство направил для налаживания отношений. И присоединение Украины также началось при нем. Именно тогда решился вековой вопрос: какая из двух славянских империй имеет будущее – Великая Польша или Великая Россия? Даже первый русский боевой корабль был тоже построен по его указу. Назывался «Орел». Правда, его через год после спуска на воду Стенька Разин угробил.

– Глеб Родионович, но если, как вы говорите, столько всего сделал отец Петра, то почему же мы помним не отца, а сына?

– История вообще гораздо чаще хранит имена великих разрушителей, чем великих создателей. Юлий Цезарь, Фридрих Великий, Наполеон, не говоря уж о Гитлере – все они крови и бедствий принесли куда больше, чем благ. А мудрых создателей, таких, например, как римский император Пий, память человечества отмечает куда скромнее...

В ту ночь мальчишке снились поваленные буреломами огромные стволы невиданных деревьев, упирающиеся черными ветвями и вырванными из почвы гигантскими, похожими на щупальца корнями в хмурое небо. И чудилось, будто летит он над затуманенными пространствами и вдали одна за другой встают над дымкой горные гряды, а там, внизу, змеятся извивы диких речушек, сливающихся в широкие, отсвечивающие ртутью реки.

Однажды Егор показал Глебу Родионовичу свои стихи.

– Лизонька, а ну, иди, посмотри, мне кажется, недурно для начала!

Елизавета Андреевна с интересом взяла листочки в клеточку и пробежала глазами колонки строф:

– Глеб, я покажу это редактору районной газеты. Егор, ты не возражаешь?

Стихи Егора были опубликованы в ежемесячной рубрике «Поэтическая тетрадь». Автор с удивлением смотрел на собственные произведения, набранные печатным шрифтом, с заголовками, которые придумал им редактор газеты, сам тоже местный поэт.

Скользнув взглядом на соседнюю страницу, Егор прочел небольшую заметку, перепечатанную из центральной «Правды». Там сообщалось о высадке американских астронавтов

на Луну. «Ух ты!» – изумился мальчишка. Он, безусловно, знал о космической гонке между СССР и США, но был уверен, что американцы в ней давно и безнадежно отстали.

В самой «Правде», которую многие в городе, конечно, тоже выписывали, этого сообщения почти никто не заметил. Оно было дано не на первой полосе и даже не на последней, а в самом низу наименее читаемой предпоследней страницы – мелким шрифтом, в один абзац. И вот молодой редактор городской газеты, возомнив себя матерым журналистом, охотником за сенсациями, перенес эту заметку в свое издание. На следующее утро он был вызван в районный комитет партии, где офицер КГБ в присутствии секретаря райкома сделал ему внушение: что ж ты, подлец, восхваляешь вражьи успехи! И только тот факт, что это была все-таки дословная перепечатка из главной газеты страны, уберег редактора от немедленного ареста. Хотя осадочек в личном деле, конечно, остался.

Для Егора самым неожиданным было не то, что его стихи взяли для печати, и не то, что о нем заговорили в городе. А то, что ему заплатили – четыре рубля, целое состояние для него. Отец денег почти не давал. Питался Егор при школе. Летом он заработал немножко, сколачивая ящики на консервном заводе и собирая овощи в совхозе, но возможность получать деньги круглый год, да еще таким простым способом, наполнила его радостным предвкушением материального благополучия. Теперь он все время подстегивал себя: надо писать – и будут деньги. Егор стал постоянным автором «Поэтической тетради». Не зря говорят: художник должен быть голодным.

Был у него, правда, еще один источник дохода – посылки от бабушки – но приходили они редко и только зимой. Егор получал на почте фанерный ящичек, заботливо обшитый холщовой материей, на которой химическим карандашом был написан адрес. В ящичке всегда было сало, мед, иногда что-то из вещей, сложенный листок с письмом и обязательно – припрятанная в нем желтовато-розовая десятка с портретом Ленина.

Егор прекрасно представлял, как достаются бабушке эти деньги. По субботам, задолго до рассвета, она навьючивала на себя связанные между собой сумки с баллонами молока, сметаной и творогом и тащила их десять километров до станции, чтобы в общем вагоне добраться до города. Распродав на рынке свой товар: молоко 25 копеек за литр, сметана 1 рубль 10 копеек за пол-литровую банку и творог 11 копеек за блюдце, – бабушка аккуратно завязывала мелочь и мятые рубли в платочек, который прикалывала под платьем на груди, и спешила домой к брошенному на полдня хозяйству.

Управившись с делами, она садилась к окошку, аккуратно развязывала платочек и тщательно пересчитывала выручку, любовно складывая мелочь в стопочки по рублю, которые потом обменивались на бумажные купюры. Когда рублей набиралось десять, она складывала их вместе, сворачивала в трубочку и стягивала черной резинкой, вырезанной из старой велосипедной камеры, чтобы на рынке обменять желто-коричневые рублевые бумажки на любимую желто-розовую десятку, которую при случае отнести в сберкассу и положить на книжку. Бабушка сильно переживала, что у нее нет трудового стажа и ей не положена пенсия, поэтому сберкнижка была для нее единственной возможностью обеспечить свою старость.

Она скопит тысячи рублей – сумму, достаточную, чтобы купить квартиру или автомобиль, но умрет в 1991 году, как раз накануне гайдаровских реформ, трудясь до конца, так и не прикоснувшись к своим капиталам и не оставив завещания. Когда Егор спустя полгода вступит во владение ее вкладом, на эти деньги можно будет приобрести, к примеру, уют.

Зимой Егору предложили поехать на областной конкурс молодых поэтов. В качестве сопровождающего с ним был отправлен учитель литературы Антон Васильевич, бесцветный человек среднего роста и телосложения, но обладавший одной отличительной чертой: высоким звонким голосом – почти девчоночьим.

Ведомый этим провожатым, Егор долго блуждал по улицам областного центра – Антон Васильевич все время путался в адресах. Периодически они искали телефон-автомат, просили у прохожих двухкопеечную монету, учитель звонил, задавал кому-то на проводе кучу вопросов своим высоким и звонким голосом, подробно выяснял дорогу, говорил, что теперь наконец-то все понял, и блуждания возобновлялись. Есть такая порода людей, которых не стоит брать в проводники.

– Вот так, – добродушно подмигивал Антон Васильевич замерзшему Егору, накручивая в очередной раз телефонный диск. – За дурной головой и ногам лихо!

К месту проведения конкурса – школе-интернату, ученики которой разъехались на каникулы, – они добрались поздно вечером, пропустив ужин, и без сил повалились спать.

С утра все сразу загудело и закрутилось. Поэтов съехалось – тьма! Егор оказался в числе самых младших. Всех разбили на группы и развели в разные классы, чтобы отобрать в каждой по три человека победителей, которым уже завтра предстояло выступить на пленарном заседании в актовом зале. А на третий день жюри должно было огласить свой вердикт: три призовых места всего конкурса.

Работа в группах началась. Егор, затаив дыхание, смотрел, как красиво одетые, уверенные в себе ребята выходят к доске и декламируют свои стихи – умело, по-взрослому, с придыханием, с подвыванием, с разрубанием рукой воздуха на эффектной концовке. Вот, оказывается, как надо. Он так не сможет. Егору теперь казалось, что его стихи – никудышные, в подметки не годятся. И не прочтешь их так – громко, артистично. Они у него какие-то тихие. Ему было стыдно за свои потертые ботинки, застиранную рубашку и пуловер не по размеру, подаренный бабушкой «на вырост».

Поэтому, когда подошла его очередь, Егор торопливо вышел, прочел, смущаясь, одно стихотворение про кринуцу и поспешил вернуться на место. Но куратор их группы остановил его:

- А еще у тебя стихи есть?
- Много.
- Почитай нам, не стесняйся.

Его выдвинули на пленарное заседание в числе тройки победителей группы. На завтраке к нему подошло несколько ребят, с которыми он состязался накануне, а с ними – и совсем незнакомые:

- Слушай, а почитай нам свои стихи.
- Про карагача!
- Про камышинку!

А красивая девочка с аккуратной челкой и яркими зелеными глазами сказала:

– Мне понравилось про вот тот горный цветок, что всегда зацветает перед извержением вулкана! Как он там называется?

Егор, польщенный таким неожиданным вниманием, бросил еду, встал и начал было читать, но тут вмешался подошедший с подносом Антон Васильевич. Ребят он разогнал, а своего подопечного заставил есть:

– Ты, Егор, это брось! Ты себя цени! Ты – талант. Может, не Пушкин, но искра Божья есть. Не позволяй им вытирать об тебя ноги! Ишь, нашлись! Поесть не дадут. Без моего разрешения чтобы больше никому ничего не читал!

Когда на третий день председатель жюри стал называть фамилии победителей, Егор всеми силами старался притушить в себе надежду и не показать разочарования, но лицо его все равно выдавало всю гамму переживаний – благо никто этого не видел, все смотрели на сцену.

– Третье место присуждается... Второе место присуждается...

Какие они счастливые там, на освещенной сцене, им хлопают весь зал! А он тут в старых жмущих ботинках и несурзном пуловере, никому не нужный, безнадежно влюбленный в зеленоглазую девочку, которая где-то в другом конце зала со старшими ребятами.

Председателю пришлось дважды повторить его фамилию, прежде чем до Егора дошло, что ему присуждено первое место. Он поднялся и увидел, как разом повернулись к нему лица всех присутствующих. Охваченный радостью и смущением одновременно, он вышел на сцену актового зала, получил красивую грамоту и услышал, что поедет в Ленинград на две недели вместе с победителями конкурсов музыкантов и художников.

Егор был счастлив, особенно когда высмотрел в зале девочку с челкой и увидел, как она горячо ему аплодирует. Он, конечно, гордился собой, был исполнен благодарности ко всем окружающим, считал свою победу чудом, но совершенно не осознавал, что истинное чудо – это само существование такого конкурса, где победитель не определен заранее.

Когда обратный автобус оставил освещенные улицы большого города и нырнул в степную темень, Егора снова охватила тоска и вспомнилась дорога после той прощальной встречи с мамой. Вот бы она сейчас обрадовалась! Глядя в темноту за стеклом, он прошептал:

– Мама, ты же видишь? Я стараюсь! Я тебя не подвожу!

Выйдя из автобуса, Антон Васильевич предложил проводить Егора домой, но тот вежливо поблагодарил и заверил, что хорошо знает дорогу.

– Спасибо, не волнуйтесь, я правда доберусь, – повторил он, видя нерешительность провожатого. И, засунув грамоту под пальтишко, прижимая ее рукой, чтоб ненароком не выпала, побежал, представляя, как удивится отец, если будет не слишком пьяным.

К вечеру мороз здорово окреп и жег щеки. Дворы и улочки были засыпаны рыхлым, белеющим в темноте снегом, а в безоблачном черном небе мерцали холодные колючие звезды.

Дом встретил Егора слепыми темными окнами. Как все-таки отличается темный дом от того, в котором светится хотя бы одно окошко! Настроение сразу упало. Во дворе под ноги радостно кинулся их маленький беспородный пес Дозорка, вертясь и яростно колотя хвостом. Егор нащупал в темноте под крыльцом ключ и, поднявшись по ступенькам, потянулся к неясно черневшему на двери навесному «амбарному» замку.

И тут что-то огромное, черное и страшное зашевелилось прямо у его ног. Мальчишка не просто испугался – его вдруг разом перенесло из реального мира в какой-то другой, фантастический, полный леденящего ужаса. Дыхание остановилось, и тысячи иголок мягко вонзились в тело со всех сторон, лишая сил.

– Фу, Дозорка, фу! – заплетающийся пьяный голос отца вернул Егора в реальность. Огромное ночное чудовище во тьме мигом схлопнулось, приняв вид набравшегося в стельку родителя, который лежал поперек крыльца под самой дверью, неуклюже отмахиваясь от собаки, лижущей его лицо.

Егор отпер замок, кое-как втащил отца в дом и сел, не раздеваясь, держа в руках примятую грамоту. Он чувствовал: вот-вот – и расплатится. Снова сунув грамоту под пальто, он поднялся, вышел на крыльцо к суetyающемуся Дозорке и прикрыл за собой дверь. Ноги сами понесли его к дому Пшеничных, окошки которого светились теплом в ледяной бесприютности зимнего вечера.

ГЛАВА 5. НИНА

Адрес у нее он все-таки взял. Прямо скажем, черта с два бы он его взял – духу б не хватило, но она подошла сама.

– Поздравляю, ты молодец!

Подавая ему руку, она кокетливо чуть склонила голову набок, и челка распалась на пробор.

У Егора перехватило дыхание, и он только кивал и глупо улыбался, боясь взглянуть в изумрудную зелень ее глаз.

Вокруг, в вестибюле школы-интерната, бурлила шумная толпа юных поэтов, разъезжавшихся после конкурса.

– У тебя есть телефон?

Он помотал головой. У него не было телефона. Отец за пьянкой так и не собрался поставить.

– Жалко. Ну, ладно. Рада была познакомиться. Пока.

Она повернулась и уже сделала шаг, а он все не мог разлепить губы.

«Уходит! Уходит!» – кричал ему внутренний голос, но Егор оцепенело смотрел ей вслед. И все-таки, сглотнув, не своим, хриплым и высоким голосом выкрикнул:

– Нина!

Она остановилась, обернулась. Он молчал.

– Ты меня звал?

– Напиши мне свой адрес. Пожалуйста. Вот сюда.

Он открыл свою тетрадку со стихами.

Нина улыбнулась, подошла и написала.

– Ну, все. Меня ждут. Пока.

– Егор, ну что ты тут застрял, на автобус пора! – подоспел взволнованный Антон Васильевич.

Они переписывались почти три года. Он посылал ей свои стихи, она ему – свои. Он завел большую толстую тетрадь, в которую аккуратно клеивал все ее письма, а на листы между ними копировал свои ответы – мелким убористым почерком, экономя место. Получился целый эпистолярный роман. Егор никогда с ним не расставался. Он будет продолжать писать ей, пока не кончатся листы в тетради. Он будет рассказывать ей обо всем самом интересном, что узнает, делиться самым сокровенным. Вот только ее ответных писем во второй половине этого романа уже не будет.

После экзаменов восьмого класса, которые Егор сдал на отлично, его наградили путевкой в пионерлагерь. Было как-то неудобно – он уже покинул племя пионеров и вступил в комсомол, но поехать на море – это, конечно, была мечта! Его заверили, что ничего страшного – там в первом отряде нет ни одного пионера, все такие же дылдаки, не догулявшие детство.

В советское время так просто и говорили: «на море», – и никто не уточнял, на какое именно. Оно было одно – Черное. Если кто-то ехал на Балтийское море, то он говорил не «на море», а «в Прибалтику». А на другие моря никто и не ездил. Красное, так же как Белое или Желтое, были просто какими-то казусами из детской книжки-раскраски. Никто толком и не знал, где они находятся – наверное, где-нибудь рядом друг с другом, как красная, белая и желтая краски в наборе «Гуашь школьная».

Егор написал Нине о предстоящей поездке и через несколько дней получил ответ, от которого у него защеботало в груди: она попросила своего отца, и тот взял ей путевку

в этот же лагерь на эту же смену! Егора разрывало от счастья: он ее увидит! Они будут вместе целый месяц! Какая же она все-таки умница!

Удивительно, как много находится препятствий для встречи, если парень не нравится девушке, и как испаряются все препоны, когда он ей нравится.

К месту сбора – главному парку в областном центре – Егора на своих «жигулях» доставил лично директор его школы. Конечно, такая честь была оказана «за компанию» – вместе с Егором в лагерь ехала единственная дочка директора, которая училась в параллельном 9 «А».

Нину Егор увидел через полчаса, когда уже познакомился со своим пионервожатым и несколькими ребятами из их отряда. Подойти к ней сразу мальчишка постеснялся: Нина вышла из белой «Волги» в сопровождении родителей. Отец в светло-сером костюме и темно-красном галстуке выглядел очень внушительно – Нина писала, что он руководит каким-то строительным трестом. Водитель открыл багажник, доставая дорожную сумку, а полная, дорого и ярко одетая мама давала дочке последние напутствия. Нина, совсем взрослая и еще более красивая, чем прежде, слушала вполуха, высматривая лица в толпе отъезжающих. Увидев Егора, она помахала ему:

– Егор! Мамочка, ты помнишь Егора? Он победил тогда на конкурсе поэтов!

– Так вот почему ты просилась именно в этот лагерь!

– Ну, ладно, мамочка, я побежала! Папа, пока!

Чмокнув родителей и подхватив сумку, девушка подошла к Егору.

– Как ты вырос!

Егор действительно пошел стáтью в деда Семена и за последние пару лет сильно вытянулся, оставаясь тощим и поджарым. Он во все глаза смотрел на повзрослевшую Нину и сумел в ответ только выдавить:

– А ты – вообще!

– Что – вообще?

– Красивая. Настоящая женщина.

Нина рассмеялась, показывая крепкие здоровые зубы:

– Ты научился говорить комплименты!

– Да нет, я просто...

– Что?

– Я просто даже не ожидал, что ты такая!

– Ладно, пойдём меня регистрировать.

Егор проснулся рано утром. Плацкартный вагон покачивался под перестук колес. За окном в рассветном сумраке серело море. Еще никогда Егор не видел, чтобы горизонт был весь из воды. Мальчишка невольно посмотрел влево и вправо, насколько позволял обзор. Ровная линия горизонта не нарушалась ни одним, даже крохотным, островком. Серая масса, подернутая легкой рябью, широко и спокойно лежала под таким же серым бескрайним небом.

Но уже через секунду про море он забыл, потому что, высунувшись за край полки, увидел спящую внизу Нину. Егор замер.

Когда мужчина смотрит на женщину и не может оторвать глаз, это не просто разглядывание и даже не просто влюбленность. Это, если хотите, залог его счастья. Каждый молодой человек, прежде чем сделать девушке предложение, должен честно ответить себе на вопрос: живет ли в нем это желание – смотреть на избранницу бесконечно, любоваться каждой ее черточкой, каждой линией, каждым изгибом, каждым бликом света на ее волосах? Если да – то пускай даже она воспользуется его любовью, изведет его капризами и сделает подкаблучником и рогоносцем – все равно он будет счастлив с этой женщиной и никогда не пожалеет, что связал с ней жизнь. А если такого желания нет – какими бы соображениями он ни руководство-

вался, какими бы достоинствами ни обладала его избранница – счастья с этой женщиной ему не испытать.

Лагерная жизнь захватила их и понесла, как карусель. Расселение по домикам, первая линейка, первое купание в море, медленные танцы под музыку местного вокально-инструментального ансамбля: девушки клали руки ребятам на плечи, а те брали партнерш ладонями за талии, с волнением нащупывая под легкой кофточкой гибкое тело. «Свет маяка над волною, южных ночей забытье, самое синее в мире Черное море мое!»

Ребята в отряде попались интересные. Рыжеволосый, веснушчатый и голубоглазый Юрка, например, был неистощимым рассказчиком анекдотов. Они из него лезли по каждому поводу. Серьезный молчун Никита занимался йогой, полноватый медлительный Антон – резьбой по дереву.

Неформальное лидерство сразу захватил Сашка – хулиганистый белесый парень могучего телосложения с маленькими плутоватыми глазками. Вначале над ним пытались подтрунивать, но добродушия, которое обычно присуще великанам, у Сашки не было и в помине, и он быстро пресек всякие посягательства на свой авторитет. Парень он был опытный, хотя ни особым умом, ни честностью не отличался. А его главной чертой была воинствующая неопрятность.

Не мылся он принципиально, заявляя, что грязь слоем толще сантиметра сама отваливается. По поводу гигиены рта Сашка тоже имел особое мнение:

– Когда куришь «Приму», зубы можно не чистить – она любой запах перешибает, и бабе все равно непонятно, чем от тебя прет!

– Кстати, – сказал по этому поводу Юрка, – знаете анекдот про «Приму»? Работники нашей «табачки» получили выговор за неважное качество «Примы». Дескать, вот московская – это да! А наша – фуфло. Ну и напросились наши в Москву по обмену опытом. И им там показывают: вот тут, мол, у нас производится «Ява», вот тут – «Дукат». А наши говорят: производство «Примы» бы посмотреть! Их отговаривают: ну что, дескать, там смотреть? Ну ладно, если уж надо – глядите: вон две трубы. По одной поступает табак, по другой – дерьмо из канализации. Вот тут происходит смешивание... «Ах, вот оно что! – изумляются наши. – Конечно! Они туда табак добавляют!»

Сашкин аромат сразу пропитал их домик. Юрка, едва зайдя, потянул носом воздух и сказал:

– Знаете четыре стадии нестиранных носков? Первая – когда их подбрасываешь, и они обратно не падают – к потолку прилипают. Вторая – когда левый на правую ногу уже не надевается. Третья – когда на ночь их ставишь возле кровати. А четвертая – когда ногти стрижешь, не снимая.

После взрыва смеха Юрка добавил:

– Вот Сашка у нас точно по этому пути идет – он свои носки если и меняет, то только с ноги на ногу.

– Слышь, ты! Шутник хренов, – отозвался Сашка, – ты мне скажи лучше: у тебя спичка между зубами проходит?

Юрка широко улыбнулся, показав красивые ровные зубы:

– Слава богу, нет.

– Вот. А еще раз так пошутишь – так и коробок пройдет!

Сашка сопроводил шутку таким тяжелым взглядом, что Юрка сразу прикусил язык.

Вокруг лагеря выставлялись посты – чтоб чужие на территорию не заходили: сразу за домиками начинался густой лес, который на самом деле тянулся через весь Кавказский хре-

бет до далекого Каспия. Пройдет четверть века, и в этом лесу заведутся боевики, как заводятся блохи в шерсти некогда домашнего, а потом брошенного и одичавшего пса.

Но пока что времена были безопасные, боевики и террористы водились только в неведомых странах за границей, а сама граница, надежная и спокойная, проходила где-то далеко за Грузией и Арменией. Поэтому дежурили на постах не спецназовцы и даже не милиционеры, а сами пионеры – по трое на пост. Это была почетная, ответственная и интересная миссия: ни фига не делать, бить баклуши, ждать, когда принесут обед, и давиться терпким незрелым кизилом, который краснел на ветках со всех сторон.

Когда Нину назначили на дежурство, Егор сразу попросился на тот же пост. Третьим с ними пошел полноватый неторопливый Антон, прихватив извечную дощечку и набор инструментов. Придя на место, он сразу пристроился на лавочке и стал что-то вырезать на деревяшке своими мудреными стамесочками. Но уже через четверть часа заскучавшая Нина оторвала его от этого занятия:

– Слушай, Антоша, сбегай к нам в домик! Там у нас гитара есть. Принеси, а? Скажешь: я попросила. Дадут.

Тот ответил с неохотой:

– Как же это я пост оставлю? А вдруг проверка?

– Ну, мы же здесь! Скажем, что тебе в туалет приспичило!

От таких слов Антон покраснел и растерялся.

– Нин, да давай я сбегаяю! Я мигом! – с готовностью предложил Егор.

– Молчи, – коротко и твердо бросила ему девушка и снова повернулась к резчику. – Антоша, чего хочет женщина – того хочет Бог!

– Ладно.

Мальчик, вздохнув, отложил дощечку, поднялся, собрал инструменты в футляр и поковылял по тропинке к лагерю – он заметно косолапил.

– Наконец-то! – сказала Нина ему вслед и повернулась к Егору. – Ну? Что ты стоишь? Ты совсем не хочешь меня обнять?

Егор сделал шаг, осторожно обнял девушку и потянулся, неумело вытягивая губы для поцелуя. Но она, быстрая, как ящерка, вдруг изогнулась, привстав на цыпочки, и острым язычком лизнула его глубоко в ухо. У Егора зашумело в голове, и он на ослабевших ногах осел на лавочку. Нина ловко запрыгнула к нему на колени и обвила руками за шею.

Они увлеченно целовались, когда рядом прозвучал голос Антона:

– Так вам гитара-то нужна или нет?

– Облом, – сказала Нина. – Извини, Антоша. Конечно, нужна! Мы тут тебя заждались!

– Я вижу, – буркнул Антон, отдавая ей гитару.

Нина села, проверила настройку струн, слегка подкрутила колки и под несложный перебор запела:

Кто ошибется,
Кто угадает —
Разное счастье
Нам выпадает.
Часто простое
Кажется вздорным.
Черное – белым,
Белое – черным.¹

¹ Стихи Михаила Танича

В окружении Егора никто не играл на гитаре. Правда, когда они с мальчишками бегали к танцплощадке подглядывать за танцующими, он слышал, как в парке ребята постарше брнчали по расстроенным струнам и горланили гнусавыми голосами «подзаборщину». Но тут было совсем другое, ошеломляюще другое.

Мы выбираем,
Нас выбирают,
Как это часто
Не совпадает!
Я за тобою
Следую тенью,
Я привыкаю
К несовпаденью.

Голос у Нины был негромкий, но грудной и проникновенный. Этой песни Егор никогда не слышал – фильм «Большая перемена» только-только выходил на экраны. И казалось, что Нина просто поет ему о себе, о них и вроде бы это она следует за ним тенью. Только ведь нет никакого несовпаденья! Господи, какое счастье быть любимым такой женщиной!

В тот вечер Егор долго не мог уснуть. Он лежал, закинув руки за голову, а в голове все звучал голос Нины:

Безлюдный двор
и елка на снегу
точней, чем календарь,
нам обозначат,
что минул год,
что следующий начат.
Что за нелепой разной кутерьмой,
ах, боже мой,
как время пролетело.
Что день хоть и длинней,
да холодней.
Что женщина...
Но речь тут не о ней.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.²

Надо же, какие, оказывается, бывают песни!

Через пару дней по плану был поход в горы, в который отправился только старший отряд. Когда расположились на привал, инструктор сказала:

– На той стороне речки – земляничная поляна. Только мост очень далеко.

– Ой, жалко! Вот бы пособирать! – воскликнула дочка директора Егоркиной школы. – Я так землянику люблю!

Сашка молча встал, подошел к ней, легко поднял на руки и понес к речке.

– Осторожно! – закричала инструктор. – Там хоть и мелко, но течение! И вода очень холодная!

Но Сашка уже опускал верещавшую ношу на траву противоположного берега. Сам он дальше не пошел, улегся недалеко, а директорова дочка скоро уже кричала с поляны и показывала всем ладошку, видимо, полную земляники.

² Стихи Юрия Левитанского

Егор видел, какими глазами Нина проводила эту пару, и предложил:

– Если хочешь, давай я перенесу, мне нетрудно!

– А ты не оступишься?

– Постараюсь.

– Ну, давай!

Он поднял ее на руки, и она умело обхватила его шею. Конечно, сил у него было поменьше, чем у Сашки, но Нина так ловко держалась, что нести ее было совсем не тяжело. До речки. А вот в речке Егор пожалел о своей затее. Ноги скользили по камням, ледяная вода промочила его брюки, они прилипли и мешали шагу. Благо хоть речка была неширокая, и скоро он поставил Нину на камни другого берега, со страхом думая об обратном пути.

Нина обернулась, победно помахала оставшимся подружкам и, кивнув Егору, мол, следуй за мной, пошла по тропинке. Они скрылись за кустарником, собирая между валунами мелкие ароматные ягоды.

На тропинке им попался поваленный ствол дерева. Егор перешагнул его и подал руку Нине:

– Давай! Ты запросто перешагнешь.

– Ой, нет! Наверное, не получится.

– Получится! Не такие уж у тебя короткие ноги, – без всякой задней мысли по-простецки ляпнул Егор.

– Ах ты собака! – изобразила обиду Нина. – Если даже чуточку и коротковаты, джентльмен не должен об этом распространяться.

Егор только теперь глянул и отметил, что – ну да, может быть, действительно чуточку коротковаты. Но точеные, ровненькие и – она была во вьетнамках – с прелестными маленькими пухленькими пальчиками. Он бы в жизнь не подумал ее подкалывать, а для нее это, оказывается, была болезная тема. И, как ни странно, по ее короткому взгляду Егор понял, что, вот так нечаянно заставив девушку смутиться, он набрал несколько очков в их любовной игре.

Когда они вернулись, лежавший на берегу Сашка поднялся, посмотрел на них и вдруг сказал:

– Обратно я понесу Нинку – она тяжелее.

– Кто? Я тяжелее? – возмутилась было Нина, но Сашка уже уверенно нес ее через поток.

Директорская дочка оказалась действительно полегче, но совершенно не умела держаться, вывертывалась из рук, и, почти перейдя реку, Егор все-таки поскользнулся и упал на колено, больно ударившись о камень. Свою даму он, правда, успел поставить на валун, и с помощью подоспевшего Юрки она в один прыжок добралась до берега. У Егора брюки были насквозь мокрые, на колене проступила кровь.

Как назло, погода испортилась, задул свежий ветерок с моря, стал накрапывать дождь. Когда отряд вернулся в лагерь, Егор уже шмыгал носом. К вечеру у него подскочила температура. Врач после осмотра сказала:

– Ну все, голубчик, откупался. Пару дней побудешь тут у нас в изоляторе.

На следующий день солнышко сияло как ни в чем не бывало. Егор почувствовал себя гораздо лучше, и торчать в изоляторе было скучно.

Услышав в коридоре голос Нины, он вскочил и торопливо поправил постель.

– Привет! Как ты тут? Вот решила зайти, проведать. Это тебе.

Она протянула большой стакан малины.

– Помой только хорошенько! Или давай лучше я. А то вы, мужики, вечно все неправильно делаете. У тебя кран тут есть?

– Где ты это взяла? В лесу собрала?

– Ешь, ешь, тебе витамины нужны. А ты, я смотрю, совсем один тут.

– Да. Изолятор пустой. Ночью гроза была. Я проснулся и долго не спал – такая красота! Стихия! Молнии – каждую секунду.

– И к тебе за всю ночь никто не заходил?

– Да тут нет никого, я ж тебе говорю! Врач только утром пришла, посмотрела, сказала: все нормально. Сегодня на всякий случай подержат здесь, а завтра отпустят. Так где ты собирала малину?

– Поправляйся! Я побегу, а то меня уже ищут, наверное.

После обеда заглянули Никита с Антоном и принесли книгу. Это была «Страна багровых туч» братьев Стругацких.

– Вот. Ты хотел почитать. Юрка уже закончил, а мы все равно не успеем – готовимся к прощальному костру. Тебя же на костер-то отпустят?

– Да, обязательно буду.

– Ну тогда мы пошли. Выздоровливай! Кстати, там нам с кухни для тебя малину передавали. Мы Нинке отдали – она в твою сторону шла. Заносила?

– Да, да, конечно, она была, спасибо, – Егор почему-то сник и погрустнел.

После ужина он удобно устроился на кровати поверх одеяла и погрузился в чтение при уютном свете настольной лампы. Прошло часа два, а то и больше, когда в оконное стекло стукнулся маленький камушек.

Егор поднялся, подошел к окну и всмотрелся в темноту, прильнув лицом к стеклу и приставив к вискам ладони. Потом заулыбался, повернул ручку и распахнул створку:

– Нина, ты?

Девушка приложила палец к губам.

– Тсс! Потуши свет и дай мне руку!

Он перегнулся через подоконник, протягивая ей ладонь.

– Свет сначала потуши! Увидят же! – громким шепотом сказала Нина, оглядываясь по сторонам.

– Здесь точно никого нет?

Она прошла по темной комнате и заглянула в коридор сквозь стеклянные двери. Там где-то за углом горел холодный дежурный свет.

Нина повернулась к Егору. Он подошел и обнял ее. Целуясь, они сели на кровать.

– Подожди.

Она встала, еще раз мельком взглянула в стеклянную дверь, прислушалась, а потом расстегнула блузку, сняла ее и аккуратно повесила на спинку стула, оставшись в красивом кружевном бюстгальтере. Егор смотрел во все глаза и не верил, что это происходит на самом деле.

Их взгляды встретились. Без блузки, с голыми плечами, Нина выглядела смущенной и незащитной. Егор встал, сделал шаг и подхватил ее на руки, как тогда, у горной реки.

Повернувшись, он бережно опустил девушку на постель и помог освободиться от юбки. Трусики были тоже кружевными – он никогда таких не видел.

Ошеломленный, не в силах сдержать шумное дыхание и стук зубов, которые предательски выдавали его неопытность, Егор робко гладил ее плечи и безуспешно пытался на ощупь справиться с застежкой бюстгальтера.

– Боже, это же так просто! – Нина сунула руки за спину, и мальчишка вдруг совсем близко увидел в сумраке вырвавшийся на свободу сосок, окруженный, как ореолом, белым мерцанием груди. Егор нежно коснулся его губами, еще и еще. Сосок слегка съезжился, сморщился и выдвинулся, будто потянулся навстречу ласке.

Замирая от близости проникновения в тайну, мальчишка осторожно вошел рукой под резинку кружевных трусиков, и первое ощущение было странным – как будто он накрыл ладонью горячую и влажную мышь. Он не ожидал, что это место у женщины такое выпуклое.

Егор сдвинул резинку кружевных трусиков вниз.

– А ты? – спросила Нина, открыв глаза.

Он заметил, что еще даже не снял рубашку, и, привстав на колени, дрожащими непослушными пальцами начал торопливо расстегивать пуговицы.

Но вот его ноги скользнули по ее ногам, и он, обнимая ее, почувствовал, что соприкоснулся с ней там, в запретном таинственном месте, и начал плавно погружаться в нежное тепло. Нина издала легкий, какой-то изумленный звук, как если слово «Ах!» сказать на вдохе, а потом закусил губу и, зацепившись ногами за его ноги, стала с неожиданной силой натягиваться на него до самого упора, пока он не ощутил, как тугое упругое кольцо, медленно скользя, уткнулось в его лобок.

Острое приятно-щекотное ощущение оказалось таким мощным, таким неудержимым, что Егор почувствовал: еще мгновение – и он сдастся, опозорится. Мальчишка напряг все внутренние силы, хватая ртом воздух. «Только не сейчас, не сразу! Нельзя!»

Нина стонала, двигалась, извивалась под ним, а он, скованно отвечая на ее движения, думал только об одном: как продержаться, как отодвинуть накатывающую волну наслаждения, чтобы не сорваться в одуряюще-сладкую пропасть и показать себя стойким мужчиной.

И вышло так, что, когда пыл девушки стал понемногу стихать, Егор вдруг понял, что переполнявшие его ощущения рассеиваются, ускользают. В погоне за ними он стал двигаться взад-вперед сильнее и сильнее, но вместо щемящего наслаждения пришла какая-то одеревенелость.

Не зная, как помочь себе, он продолжал и продолжал вторгаться с размаху в самую глубину, пока не понял, что Нина отбивается от него, повторяя: «Прекрати, мне больно!» Тогда он остановился.

– Что такое? – спросила она.

– У меня не получается.

– Почему?

– Не знаю.

– Я что, не устраиваю тебя как женщина?

– Ты... Нет! Как ты можешь так говорить?!

– Да ладно, я же вижу.

Она села на кровати и стала одеваться.

– Не надо, прошу тебя, не одевайся.

Егор сгорал от стыда, но ему так хотелось обнять ее, погладить, посмотреть еще на нее обнаженную, такую фантастически прекрасную, похожую на нежного ангела.

– Не трогай меня! – Нина мотала головой и дергала плечами, уворачиваясь от его рук. – Я пошла. Помоги мне спуститься.

В ее глазах стояли слезы.

– Нина, ты что? Я не хотел тебя обидеть, прости.

Он был в полном отчаянии, не знал, что сделать, как ее остановить.

– Отстань! Боже мой, надо же быть такой дурой!

На прощальный костер Егор пришел с Юркой и Антоном. Из изолятора его отпустили только после обеда, и он помчался, чтобы успеть постирать и отгладить рубашку и вообще привести себя в порядок.

Весь лагерь уже был на берегу. Огромный конус будущего костра сложили прямо на пляже – толстые ветки, выброшенные волнами, собирали по всему побережью. Солнце недавно зашло, и крупная галька пляжа казалась особенно светлой на фоне синевато-сизых тонов неба и моря. Вожатые рассадили своих подопечных и пытались организовать пение единой общей песни, но каждый отряд непослушно запевал свою, и вместе все сливалось в вялую какофонию.

Ребята первого отряда группкой расположились поодаль. Нина сидела рядом с Сашкой. Егора, заметившего это еще издали, кольнула ревность: неужели у нее что-то может быть с этим троглодитом? Подходя, он увидел, как Сашка попытался обнять ее, но она сбросила его руку и сказала ему что-то со строгим видом. У Егора отлегло от сердца. Все в порядке. Она умница. Как он мог такое подумать?

Нина вела себя как обычно. Смеялась шуткам ребят и ничем, ни одним взглядом не выделяла Егора из общей компании. Он смотрел на нее и не понимал: как ей это удастся? Ведь не приснилось же ему все? Он сопоставлял ее ту – обнаженную, близкую, плачущую. И эту – отчужденную, неприступную, веселую. И у него голова шла кругом.

Лишь потом один только раз она бросила на него особенный взгляд.

Юрка рассказал шуточный диалог:

– «Девушка, можно вас на минуточку?» – «А успеете за минуточку?» – «Да долго ли умеючи?» – «Да умеючи-то – долго!» – «Да я уж как-нибудь!» – «Да на как-нибудь и муж есть!»

Нина рассмеялась, запрокинув голову, а потом сказала:

– Да, уж умеючи-то – долго!

Вот тут она и взглянула на Егора – искоса, мельком, в профиль. Это было всего одно мгновение. Но оно рельефно и четко, во всех красках впечаталось в память мальчишки: как раз в тот момент огромный конус дров, облитый бензином, подожгли, и Егор, заморожено смотрящий на Нину, увидел, как взметнувшийся к небу в вечерней синеве оранжевый язык пламени ярко отразился в ее глазах и зубах.

После лагеря он написал ей еще несколько писем, наполненных романтическими признаниями. Она пару раз ответила. А потом пришло ее последнее письмо. В нем она писала, что встретила человека, который ей очень дорог, и не видит смысла продолжать переписку.

«Кстати, не вздумай искать меня. Не надо лишних проблем. Тем более мы переезжаем, и по этому адресу меня больше не будет. Прощай».

На следующий день на перемене в школе к нему подошла директорская дочка:

– Что такой потухший? С Нинкой расстался?

– С чего ты взяла?

– Она мне сама написала. Да не переживай ты. Они, городские, все такие испорченные. Нинка в лагере с первого дня с Сашкой по кустам бегала! И потом, после лагеря, они еще встречались.

– А ты откуда знаешь?

– Ой, да об этом все девчонки знали! А потом она мне сама все написала! Хочешь, принесу тебе ее письма? Только чур меня не выдавать! Дашь честное слово?

– Глеб Родионович, я вообще ничего не понимаю. У меня просто голова пухнет, ничего не складывается.

– Видишь ли, Егор! Чтобы понять женщину, не нужно пытаться истолковать ее фразы или подвергать анализу сиюминутные поступки. Так ты быстро вконец запутаешься. Помнишь, у Сент-Экзюпери: «Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом». Природой или Господом Богом – не знаю – женщине отведена важнейшая роль – вынашивание, рождение и вскармливание детей. Это настолько серьезно, что не должно решаться разумом, как не решается вопрос: дышать или не дышать, биться сердцу или не биться. Это совершается вне коры головного мозга, неподконтрольно и неподвластно ей. Через гормоны, может, еще через что-то другое – но их влияние такое мощное, что подчиняет себе всю жизнь женщины, весь ее организм и всю ее психологию. Поэтому женщина зачастую – всего лишь наблюдатель собственных поступков. И она всегда будет благодарна тому мужчине, который прощает ей непонятные шаги, оберегает от них и видит ее отдельно от них.

– То есть они, женщины, что – совсем не понимают, что делают?

– Нет, конечно! Не надо преувеличивать разницу между психологией мужчины и женщины – она не так велика. Есть всякие теории вроде того, что мужчина и женщина друг для друга – как инопланетяне и никогда не найдут взаимопонимания. Бред, разумеется. Но разница есть, и забывать о ней – значит никогда не понять женщину. Она по своей природе слабее, поэтому вынуждена быть хитрее, скрытнее – а иначе как выжить рядом с более сильным мужчиной? Она беззащитна, особенно во время беременности.

– Ну, беременность – это же эпизод.

– Это сейчас эпизод. Но мы должны принять во внимание весь период, за который сформировалась женская психология. Это случилось не за одно поколение и даже не за одно тысячелетие. А в первобытном обществе беременность – основное и самое естественное состояние женщины. Месячные – вот это уже эксцесс, срабатывание аварийной системы. А беременной первобытная женщина была с юности и до полной потери привлекательности. Или до климакса. Как говорят юристы – «смотря что наступит раньше».

Почему женщины помешаны на любви и готовы слушать признания по сто раз на дню? Потому что оказаться «в положении», а потом с беззащитной крохой на руках – это огромный риск. И когда женщина спрашивает: «Ты меня любишь?», это означает: «Ты готов заботиться обо мне и моем ребенке?» Что может быть важнее? И однократным заверением такое беспокойство не унять.

Вот ты задаешься вопросом: что могла твоя нежная и чисто плотная поэтесса найти в этом грубом, туповатом и немытом Сашке? Если ты считаешь, что утонченное юное создание должно непременно избрать столь же утонченного и юного кавалера, то ты ошибаешься. Представь первобытное племя. Есть вожак, доказавший свое превосходство во множестве боев и заслуживший тем самым право передать свои гены будущему поколению. Он, возможно, уже не очень молод и далеко не прекрасен – совсем не сказочный принц, да и пахнет, небось, покруче твоего Сашки. Но у юной самочки из племени нет выбора. Чтобы обеспечить безопасность своему потомству, она должна произвести его именно от этого монстра. И природа облегчает ей такую задачу, заставляя испытывать сильное влечение к нему только потому, что он – вожак, и все мелочи отходят на второй план.

– Но это же дикие времена! Мы ведь живем в мире совсем других ценностей. Сегодня тупая и вонючая сила решает гораздо меньше! Все-таки миром правит разум!

– Ну, во-первых, хотелось бы, чтоб это так и было. А во-вторых, в том-то и дело, что в сегодняшней цивилизованный мир мы через все поколения протащили с тех диких времен наши первобытные инстинкты. Они уже неприменимы к современной жизни и не решают тех задач, на которые нацелены, но они есть. Порой их проявление выглядит причудливо и глупо. Но их силу недооценивать нельзя. Возьми типичную ситуацию: девочка-подросток самозабвенно влюбляется в киноартиста или эстрадного певца. Что она, глупышка, знает о нем? Она его и не видела живьем-то, а прямо жить без него не может! Зачем он ей? Что хорошего он может ей дать? Ничего. Никаким разумом здесь и не пахнет. Просто в ней проснулся инстинкт, который говорит: вот тот, на которого устремлены глаза тысяч, – это вожак. Это самый желанный партнер. Все остальное – не важно.

– Глеб Родионович, ну вы прямо свели все к каким-то низменным инстинктам. Разум что – вообще роли не играет?

– Почему «низменным»? Инстинкты не могут быть низменными. Они естественны и направлены на неплохое дело: продолжение жизни – как отдельного организма, так и рода в целом. Что же тут низменного? Самые высокие цели. Другое дело, что в условиях цивилизации действие инстинктов может иметь искаженный результат.

Вот смотри: охочая до удовольствий самка в племени – что в этом плохого? Ничего. Какие там удовольствия? Алкоголя нет, наркотиков нет, казино нет, покупательской лихорадки нет. Остаются еда и секс. Еды мало, так что проблема ожирения неактуальна, а секс – пожалуйста, сколько угодно, но беременность ждать себя не заставит. И все встанет на свои места – самочка нарожает кучу деток и заслужит почет и уважение соплеменников.

А в цивилизованном обществе? Тут к ее услугам противозачаточные средства, и она может предаваться разврату, не рождая детей. Но прочие атрибуты разгульной жизни быстро приведут ее к конфликту со своим организмом, с общественной моралью и превратят в жалкое истасканное существо.

Кстати, я вот упомянул мораль. Она ведь для того и существует, чтобы уберечь от такого финала. Каждое поколение экспериментирует с моралью. Каждое ищет свой путь, мотивируя это тем, что жизнь стала совсем другой и люди теперь не те, что прежде. Но почти-тай повнимательнее историю древнего мира. Если люди так сильно меняются от поколения к поколению, как же это им удалось остаться практически теми же самими, что и в античные времена?

За свою историю человечество перепробовало все – от пуританства до разнузданности, да и в сегодняшнем мире нет единой морали. Но само наличие норм, пусть и различающихся, – это накопленный опыт выживания поколений. И не случайно эти нормы, как правило, более жестко регулируют поведение именно женщины. Потому что у женщины коррекция своего поведения со стороны разума слабее. Мозг у нее на одну десятую меньше мужского. Вроде не так много, но вся разница приходится на ассоциативный отдел, то есть собственно на «думалку». Она у женщины втрое меньше. Поэтому ей намного труднее найти выход в сложной ситуации, принять взвешенное решение с учетом множества факторов. Но это и не ее сфера, не ее предназначение. И если ты из-за этого будешь смотреть на женщину свысока, то ты глупец. И очень быстро будешь наказан – в вопросах любви и ненависти нам с ними не тягаться.

Вообще, женщина – удивительное существо. Она работает как умножитель. Ты дашь ей каплю внимания – и можешь получить в ответ море любви. Ты дашь ей одну клеточку – и она сделает из нее тебе наследника. Но зато если ты подсунешь ей крохотную какашку – будь готов получить в ответ тонну дерьма.

– Ну хорошо, понял. Но если Нина уже выбрала Сашку, то зачем ей был нужен я?

– Давай вернемся в первобытное племя. Вдруг завтра молодой самец победит вожака и возглавит стадо? Как самочка защитит своего ребенка, прижитого от поверженного старика? Никак. А вот если она заблаговременно заведет роман с молодым претендентом, тогда при любом раскладе у нее все козыри. Надо только, чтобы старый не пронюхал, пока он еще при власти.

– Как бы это я мог, интересно, претендовать на место Сашки?

– Может, и не мог бы. Да ведь в том-то и дело! Мы с тобой тут разбираемся, анализируем – как будто имеем дело с холодным и подлым расчетом. Но это не так. Расчет – продукт разума, а женщиной в этих вопросах руководит не разум, а сложная смесь эмоций, чувств, неизвестно откуда берущихся, с которыми она, может быть, даже пытается бороться, стараясь следовать в фарватере морали. Но это так не просто – воевать с собой.

Глядя со стороны, легко ситуацию разбирать и клеймить словом «инстинкт». А изнутри-то это воспринимается совсем иначе: как нечто высокое, как томление чувств, как движение души. Это струится в тебе, словно мелодия, и влечет тебя, как неудержимый поток.

Так что, Егор, чтобы заслужить дружбу женщины, нужно быть снисходительным к ней, не судить о ней по отдельным поступкам и не возлагать на нее чрезмерного бремени ответственности за них. И запомни: если тебе удастся доказать женщине, что она – дура, значит, у тебя просто не хватило ума не делать этого.

– Вы сказали – заслужить дружбу. А любовь?

– С этим проще. В первый момент женщину надо удивить, а потом просто не давать ей опомниться. Как в известном старом анекдоте: «Горничная утратила невинность так быстро, что даже не успела этого понять. Когда она громко воскликнула: „Поручик, что вы себе позволяете?!“ – Ржевский уже шел по улице, отряхивая пыль с сапог и поглядывая на женщин». Так что тут главное – не терять темпа. Но помни, что сказал Оскар Уайльд: между капризом и «вечной любовью» разница только та, что каприз длится несколько дольше.

– Эх, Глеб Родионович, вот слушаю я вас – все вроде понятно. Но что же мне делать-то теперь?

– Как – что делать? Живи, учись, набирайся ума. А какую перспективу ты видел? Ты что, жениться хотел? Пока река жизни несет тебя и ты не достаешь до дна, об этом задумываться рано – учись плавать. И только когда нащупаешь твердую опору и сможешь стоять в потоке настолько устойчиво, чтобы удержать еще кого-то, вот тогда задумывайся о семье.

Егор удивился. Он ведь не рассказывал Глебу Родионовичу про свои переходы через речку с девчонками на руках, но тот привел именно такую аналогию.

Этим вечером мальчишка написал в своей тетради писем:

«Нина, мне кажется, я понемногу начинаю понимать тебя. И чем больше я тебя понимаю, тем больше люблю. Мне будет трудно жить, не видя тебя. Но я справлюсь. Пройдет время, и я стану достойным тебя. Вот увидишь. Ты еще будешь гордиться мной».

Не люби меня, женщина,
Если в жизни я путаюсь,
Тормози меня, если я
Удовольствуюсь малостью,
Не прощай бесхребетности,
Не оправдывай трусости,
Не жалея меня, женщина,
Не губи меня жалостью.

ГЛАВА 6. ОТ СЕССИИ ДО СЕССИИ ЖИВУТ СТУДЕНТЫ ВЕСЕЛО

Ясным сентябрьским утром Егор сидел на лавочке напротив входа в студенческое общежитие. Настроение было самое восторженное. Он – студент. Позади – выпускные и вступительные экзамены. Впереди – учеба по самой желанной специальности – «ядерная физика». Он выбрал ее вопреки всем своим литературным наклонностям, потому что считал их несерьезными. И потому что задача была: доказать Нине, что он – вожак и не чета всяким там вожакишкам-троглодитам. Он станет известным ученым, светилом в самой престижной и важной науке, и первый шаг уже сделан. В кармане – новенький студбилет. А заодно, кстати, и только что полученная повышенная стипендия за август и сентябрь – 90 рублей. Егор с наслаждением вдохнул прохладный и чистый утренний воздух: «Ах, хорошо!»

Завтра первый день занятий. В расписании две пары и обе – «Введение в специальность». Что это – непонятно, но звучит брутально-эротично. А сегодня день массового заселения в общежитие, и Егор с интересом наблюдал за поселяющимися.

Те, кто постарше, проходили уверенно, здороваясь со знакомыми. А первокурсников было видно сразу, и особенно – первокурсниц. Простые провинциальные девчонки, стеснительные, но старающиеся выглядеть взросло и независимо, почти все они были послушными дочками, лучшими ученицами в классе, умницами, скромницами и девственницами и ждали от жизни только самого светлого. Приезжали они обязательно с родителями, тащили с собой кучу ненужных вещей, некоторые даже несли кукол – не наигрались.

«Эх, – подумал бы Егор, будь он лет на пять старше, – будут вам здесь другие игры! В этом невзрачном и ненормальном здании вам предстоит провести пять едва ли не самых важных лет в жизни женщины – с семнадцати до двадцати двух. Именно здесь вам суждено расстаться с детством, стать взрослыми, научиться обходиться без мамы, отвыкнуть от родительского дома, вдоволь натанцеваться на вечеринках, хоть раз – влюбиться, хоть раз – напиться, расстаться с девственностью и, может, даже создать семью и зачать ребенка. Ну и, конечно, стать специалистами-физиками – это само собой, чуть не забыл».

Однако Егор ничего подобного не думал, так как сам был пока таким же зеленым, как эти девчонки. Он сидел и смотрел с надеждой: вдруг хоть кто-то знакомый объявится? В толпе перед общежитием мелькали узнаваемые лица, но так, чтобы подойти, поговорить – никого. И вдруг:

– Дорогие девушки! Не стойте у дороги! Дайте место девушкам подешевле!

Знакомый голос! Егор вскочил и в несколько шагов настиг шутника:

– Юрка! А ты здесь откуда?

– Как – откуда? Студент того же курса, что и ты.

Рыжий друг изрядно поправился и обзавелся огненными завитками клочковатой бороды на полных румяных щеках. Обильные веснушки сливались в единую полосу от одной скулы до другой, густо покрывая широкую переносицу. Синие глаза смотрели на Егора так же весело и задорно, как пару лет назад в лагере.

– А почему я тебя на вступительных не видел?

– Да я в Физтех ездил поступать, в Долгопрудный, знаешь?

– Ну?

– Ну и не добрал полтора балла. Зато сюда без экзаменов взяли!

– Вот и классно! Я так рад тебя видеть! А то тут все морды какие-то постные. Полный отстой!

– Ты уже поселился?

- Да. Я в пятьсот тринадцатой с двумя ребятами с третьего курса.
- А я – в триста первой, еще не знаю с кем.
- Эх, увидеться бы раньше – вместе бы попросились. Может, удастся поменяться?
- Попробуем. Девушка! – обратился он к проходящей мимо блондинке. – Извините, вы верите в любовь с первого взгляда?
- Вообще – да.
- Отлично! Это сэкономит нам массу времени!

Начались занятия. Физика в университете оказалась совсем не той, что в школе. Во-первых, ее было мало – большинство часов отдавалось изучению математики. А во-вторых, даже та физика, что была, тоже оказалась сплошь математикой. Часть ребят пришли из спецшкол и уже владели такими методами математического анализа, о которых Егор понятия не имел. И хотя преподаватели успокаивали, что ко второму курсу все выровняется, впахивать, чтобы догнать, приходилось будь здоров.

Доцент кафедры матанализа предупреждал:

– Ребята, старайтесь учиться в зимнюю сессию. В летнюю будет не до того! Летом ведь как? За спичками пошел – уже два часа долой. И на халяву не надейтесь. У меня девиз, как у библейского Ноя: каждой твари – по паре!

– А автоматы по экзамену будут? – спросил кто-то с задних рядов.

Юрка обернулся и негромко ответил раньше преподавателя:

– Будет тебе автомат, как только присягу примешь!

Все знали, что с первой же сессии начнутся отчисления: студентов специально приняли больше, чем положено по плану. А отчисление автоматически означало призыв в армию. Эта

тема служила частым поводом для шуток у Юрки – как правило, не очень добрых. Однажды, увидев товарища, расстроенного несдачей зачета, Юрка успокоил:

– Не плачь, Серега, солдаты – не плачут!

Каждый студент в обязательном порядке должен был нести общественную нагрузку. Это было общее требование, спущенное из высоких партийных кругов. Но на местах, в университетах, атмосфера, как правило, отличалась изрядной демократичностью и выбор поля деятельности был свободным.

Юрка сразу пошел в редколлегию факультетской стенгазеты, где собралась теплая компания веселых ребят. Материалы они делали, что называется, «на грани». Особой популярностью у студентов пользовалась рубрика WHO IS WHO, где вывешивались фотографии застигнутых врасплох преподавателей, сопровождаемые смешными, иногда довольно фривольными подписями. Например, один из профессоров был снят в момент, когда он, лукаво прищурившись, что-то объяснял группе студенток. Подпись гласила: «Итак, девушки, запомните: либо вы будете любить мой предмет, либо я буду любить вас!»

Спустя год ребята хватят через край. В погоне за интересными кадрами они недалеко от деканата приклеят к каменному полу юбилейный рубль. Преподавателей будут незаметно фотографировать в момент обескураженного оглядывания по сторонам в полуприседе после неудачной попытки поднять монету. Деканат сочтет это безобразием, и рубрику закроют.

Засоседиться с Юркой так и не удалось. Даже несмотря на то, что один из третькурсников в комнате Егора практически не появлялся в общежитии – сошелся с девушкой, у которой была квартира в городе. На уговоры перенести вещи в другую комнату он почему-то ответил категорическим отказом. «Одно слово – говнюк!» – охарактеризовал его Юрка.

Примерно того же эпитета удостоился от него и собственный сосед. Этот не пожелал меняться с Егором, заявив, дескать, где такое видано: из двухместной комнаты идти в трехместную! Как выяснилось позднее, у него была особая причина избегать многолюдности. Дело в том, что он крутил роман с однокурсницей, причем довольно пикантным способом: часами прямо среди бела дня они вдвоем лежали на кровати, прикрывшись простышкой, и, видимо, полагая, что Юрка, занятый своими делами, ничего не замечает, поглаживали друг у друга сквозь одежду всякие приятные места.

Однажды Юрка не выдержал и сказал извращенцу наедине:

– Слушай, вы уже или трахайтесь по-человечески, или прекратите совсем – сил нет слушать ваше сопение.

Если первый сосед не баловал Егора своим присутствием, то второй присутствовал с лихвой. Он был заядлым картежником – преферансистом. Егор, хоть и слышал еще от бабушки про «жажду неутолимую», но все равно и подумать не мог, что эта довольно интересная и неглупая игра может творить с людьми такие непонятные вещи.

Приходя с лекций, он частенько заставлял дома гостей. Четверка игроков располагалась на двух стоящих друг напротив друга кроватях с положенной поперек полированной дверью, отвинченной от шкафа. Дверь обязательно застилалась зеленым сукном, чтобы в ее полированной поверхности нельзя было подсмотреть отражение сдаваемых карт в момент их полета. Правда, ходили слухи, что кое-кто из матерых игроков способен разглядеть масть и достоинство уже розданных карт, увидев их отблеск в глазах партнера. Поэтому полученные карты никогда не разворачивали широким веером, а смотрели осторожно, сложив стопочкой и потихоньку выдвигая маленькие уголки. Общее правило гласило: «Посмотри карты соседа – свои ты всегда успеешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.